

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

формирование
представлений
о прошлом

Коллектив авторов

**Историческая культура
императорской
России. Формирование
представлений о прошлом**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2012

Коллектив авторов

Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом / Коллектив авторов — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2012

ISBN 978-5-7598-0914-2

В книге описывается многостороннее развитие базовых представлений о прошлом своей страны и Европы в Российской империи второй половины XVIII – начала XX века. В отличие от традиционного историографического рассмотрения, сосредоточенного только на эволюции академической науки, авторы исходили из более комплексного подхода, основанного на реконструкции ключевых понятий и механизмов исторической культуры страны (включая сферу образования, деятельность церкви и духовных школ, музеев, исторических обществ и археографических учреждений, региональных сообществ и т.д.). Изучение исторического знания органично дополняется развернутыми очерками об эволюции исторического сознания (с учетом его рецептивных и творческих компонентов), а также о динамике исторического воображения (в русском искусстве и литературе XVIII–IX веков). Монография подготовлена к юбилею директора ИГИТИ, ординарного профессора НИУ ВШЭ И.М. Савельевой. Текст монографии подготовлен в ходе реализации проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках в XIX–XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 году.

ISBN 978-5-7598-0914-2

© Коллектив авторов, 2012

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2012

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Раздел I	21
А.Б. Каменский	21
Л.П. Репина	35
Н.Г. Фёдорова	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом

Коллективная монография в честь профессора И. М. Савельевой

Предисловие

Коллективная монография, посвященная основным формам и институтам «переработки прошлого» в императорской России, стала результатом общих усилий исторической «команды» Института гуманитарных историко-теоретических исследований. Нам особенно важно отметить, что к ее замыслу и первым обсуждениям состава и содержания был непосредственно причастен Андрей Владимирович Полетаев (1952–2010) – один из основателей ИГИТИ, ныне носящего его имя. Решающую роль в подготовке сборника на начальных стадиях его формирования сыграл декан факультета истории НИУ ВШЭ и главный научный сотрудник ИГИТИ профессор Александр Борисович Каменский.

Эта книга посвящается юбилею директора ИГИТИ, ординарного профессора НИУ ВШЭ Ирины Максимовны Савельевой. Для членов авторского коллектива ее работы были и остаются ориентиром в области теоретического осмысления как наших собственных исследований, так и базовых характеристик того поля, в котором мы работаем как ученые. Изучение исторического сознания, исторической культуры, взаимосвязей и сложной эволюции представлений о прошлом в самых разных обществах и на всех континентах теперь неотделимо от ее вклада, системного мышления и характерного исследовательского почерка. Нам особенно отрадно отметить, что в ее работах (как и, мы надеемся, на страницах этой коллективной монографии) преодолевается привычное разделение исторической профессии на специализации по русской *или* зарубежной истории, со своими часто неотрефлексированными ограничениями и односторонностями. Национальную науку или историческое сознание – будь то в Германии позапрошлого века, в Америке или в нынешней России – профессор Савельева неизменно рассматривает и оценивает в широком международном контексте. То, что изучение своего прошлого оказывается особенно пристальным и многосторонним именно в свете уроков европейского и мирового опыта, всегда было для нее аксиомой.

Бесспорный научный авторитет Ирины Максимовны счастливо дополняется ее организаторскими заслугами, но главное – непрестанными усилиями по поддержанию качества и стиля работы нашего исторического и гуманитарного цеха. Во всем этом сказывается ее эрудиция и вкус к теории, редкое сочетание благожелательного внимания к чужому мнению и бескомпромиссного следования собственному видению и приоритетам в науке. Все эти характеристики – вовсе не дань юбилейной риторике или дежурные похвалы начальству (ибо работать с Ириной Максимовной интересно и ответственно, а не просто приятно). Скорее празднование юбилея – важный повод сказать то, что остается фоном разнообразных научных дел и хлопот, конференционных дискуссий, деловых или житейских бесед, но вслух произносится весьма редко. Мы, как и раньше, с нетерпением ждем новых статей и книг Ирины Максимовны, продолжения споров и общения и уверены в многолетней дальнейшей работе по сов местному постижению прошлого, которое никогда не бывает утраченным без остатка.

Введение

А.Н. Дмитриев

Прошлое нашего прошлого: проблематика исторической культуры в Российской империи

Историческая культура – понятие относительно новое, устойчиво вошедшее в лексикон гуманитариев только в последние десятилетия. Между тем сам феномен сложного и иерархического единства представлений о прошлом, аккумулируемых и транслируемых в коллективном опыте человечества, едва ли не так же древен, как письменные практики первых цивилизаций. 1980–2000-е годы стали временем подлинного бума «исторической памяти» – количество публикаций, связанных с этой темой и сопутствующими категориями прибавляется в каждой стране практически ежемесячно, если не ежедневно. Внимание и интерес к сюжетам прошлого, актуально присутствующим в жизни того или иного современного сообщества, обычно сосредоточены на «горячих» и спорных сегодняшних проблемах (в разных регионах мира связанных более всего с наследием Второй мировой войны или расовой сегрегацией и колониальным прошлым, а кроме того и с памятью о минувшей эпохе «реального социализма»). В отличие от публицистов и журналистов ученые с самого начала вели речь и о более широком хронологическом понимании проблематики исторической памяти – о составе и операциональных блоках, тех или иных когнитивных и идеологических модусах понимания истории уже не только «здесь и сейчас», но и в самых разных обществах и цивилизациях, включая давно исчезнувшие¹. И понятие «историческая культура», учитывающее немецкий послевоенный опыт «переработки прошлого», как раз и способствовало переосмыслению новейших стереотипов или уже опробованных историографических канонов. Перед историками разных школ и поколений встает задача показать эволюцию «высокой» исторической традиции и академической науки на фоне изменчивого неспециализированного знания о прошлом, осмыслить взаимосвязи многообразных исторически контекстуальных форм и практик присвоения и освоения минувшего².

Очень большую роль в обновлении критических представлений о формах и способах присутствия истории в европейском (по преимуществу) культурном и политическом сознании сыграли работы, представленные в известном сборнике под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Ренджера «Изобретение традиций» (1983)³. «Удревнению» проблематики памяти и расширению употребления понятия «коммуникации» в сфере исторических исследований способствовал цикл трудов Яна и Аллейды Ассман⁴. Все эти перемены повлияли на представления о характере и структурах исторического сознания. Бывшее ранее (особенно в отечественном обиходе) категорией преимущественно социально-философской, теперь оно стало употребляться в более тесной связи с проблематикой историописания (в том числе взятого и в

---

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / И.М. Савельева, А.В. Полетаев (ред.). М., 2005. С. 170–220; Хаттон П. История как искусство памяти: пер. с англ. СПб., 2003; Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна: пер. с англ. СПб., 2004.

² См. одну из первых серьезных попыток использовать категорию исторической культуры: Guenée B. Histoire et culture historique dans l'occident Médiéval. Paris, 1980 (Пер. на рус. яз.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002).

³ The Invention of Tradition / E.J. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). Cambridge, 1983.

⁴ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik München, 2006. См. также: Holtorf C. Geschichtskultur in ur- und frühgeschichtlichen Kulturen Europas // Der Ursprung der Geschichte / J. Assmann, K.E. Müller (Hg.). Stuttgart, 2005. S. 87–111, 292–300; Fischer T.E. Geschichte der Geschichtskultur. Über den öffentlichen Gebrauch der Vergangenheit von den antiken Hochkulturen bis zur Gegenwart. Köln, 2000.

более обширной перспективе – от локального до национально-государственного и общерегионального, вплоть до глобальных масштабов)⁵. Понятие «*историческая культура*» в отличие от всеохватного исторического сознания акцентирует как раз институциональный и рефлексивный, сознательно направляемый («культивируемый») аспект представлений о прошлом. Недаром, особенно в современной немецкой традиции, проблематика исторической культуры обсуждается в прямой связи с вопросами не только идеологии, но и культурной политики, политики образования, и даже школьной дидактики⁶.

Понятие исторической культуры охватывает многообразные отношения между профессиональной историографией и более обширной сферой общественных представлений об истории (историческим сознанием) в разные эпохи и периоды⁷. Притом характер этих взаимодействий понимается не как односторонний процесс продвижения от сознания «вообще» к науке – исключительно в плоскости академизации и критического пересмотра повседневных, массовых или обыденных представлений о прошлом. Пространство исторической культуры начиная с XIX века также непременно включало в себя и сферу обратных связей – область популяризации, распространения и переприсвоения, своеобразного «низового» переписывания истории, транслируемой «сверху» (точнее из политического, идеологического или символического центра, столицы, университета и т. д.). Кроме того, в зазоре между профессиональной историографией и историческим сознанием общества располагается и деятельность многочисленных исторических, археологических, краеведческих и этнографических обществ, а также полулюбительских общественных объединений и организаций, связанных с изучением прошлого. И, разумеется, сама сфера исторического знания в том или ином обществе будет заведомо шире, чем область академической исторической науки в этой же стране или регионе.

В отечественной науке представления об исторической культуре, ее составе и специфике начали складываться также относительно недавно (особенно важную роль тут играют коллективные начинания, связанные с оформлением интеллектуальной истории как особой субдисциплины и деятельность Российского общества интеллектуальной истории во главе с Л.П. Репиной)⁸. Интересно обратить внимание на то, что пока большинство российских работ по проблематике исторической культуры (и круг авторов, эксплицитно это понятие использующих) связаны преимущественно с зарубежной тематикой и прошлым скорее «иных» стран, нежели России⁹.

Разумеется, наше исследование, выполненное коллективом авторов в форме очерков, не является первооткрывательским – оно связано с богатым опытом изучения истории исторической науки в нашей стране, где уже давно сложились устойчивые историографические жанры и традиции (особенно отметим такие противоположные по заданию и замыслу капитальные сочинения, как «Главные течения русской исторической мысли» (1897) Павла Милюкова и уже советскую «Русскую историографию» (1941) Николая Рубинштейна¹⁰). Вместе с тем замысел

⁵ Ср.: Левада Ю. Историческое сознание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки*. М., 1969. С. 186–224; Барз М. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987; Барз М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998. См. важный обобщающий труд: Erinnerung, Gedächtnis, Wissen. Studien zur kulturwissenschaftlichen Gedächtnisforschung / G. Oesterle (Hg.). Göttingen, 2005.

⁶ Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik / B. Mütter, B. Schönemann, U. Uffelman (Hg.). Weinheim, 2000.

⁷ Rüsen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // *Historische Faszination. Geschichtskultur heute* / J. Rüsen, T. Grütter, K. Fußmann (Hg.). Köln u.a., 1994. S. 3–26; Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730. Oxford, 2003.

⁸ Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // *История и память: историческая культура Европы до начала нового времени* / Л.П. Репина (ред.). М., 2006. С. 5–18.

⁹ Уваров П.Ю. Россия в роли «великой историографической державы» // *Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши*. М., 2010. С. 121–139; Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 2 (66). С. 68–87.

¹⁰ См. обширную вступительную статью: Мандрик М.В. Николай Леонидович Рубинштейн: Очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008.

книги – принципиально иной, чем очередная ревизия или даже расширение привычной историографической работы. Для нас особенно важно представить академическую или университетскую науку о прошлом в контексте различных других форм общественного сознания, связанного с историей (от гимназического образования до живописи или романистики). Кроме того, «отчуждающий», неканонический взгляд на профессиональное изучение прошлого – с точки зрения его организационных условий, техник выработки или форм культурного бытования исторического знания – был значим для нас именно желанием выйти за пределы стандартной внутрицеховой оптики. Ведь в историографических текстах вне зависимости от симпатий или пристрастий их авторов приоритет до сих пор безусловно принадлежит нарративу кумулятивного и *внутренне* беспроблемного накопления знания. При этом общепризнанный и очевидный факт борьбы и соперничества разных школ и направлений все равно включается в конечном счете в картину пополнения, пересмотра и уточнения общего и устоявшегося корпуса сведений о прошлом¹¹.

Задача предлагаемого сборника существенно отлична от очередной реализации этого имплицитного императива. Авторы книги стремились проследить *разные*, порой несхожие пути формирования исторической культуры, а также способы и формы приращения, упорядочения и регламентации исторического знания в императорской России. Акцент сознательно будет сделан на проблематику XIX столетия, когда и научные, и «корпоративные» (дворянские и официально-государственные), а также массовые представления о прошлом достигли уже достаточно зрелого и отрефлексированного состояния и уровня. Однако опирались эти представления на давний фундамент исторических образов и знаний о минувшем в средневековой Руси, весьма существенно ревизованных во времена Петра Первого и в последующие десятилетия¹². В то же время базовые исторические схемы Московского царства (преемственности династической власти Рюриковичей, трансляции киевского наследия через Владимиро-Суздальские земли) воспроизводились и в исторических сочинениях XVIII века¹³, а затем легли в основу научной историографии последовавших столетий, вплоть до общих курсов Ключевского, Покровского и школьных учебников.

Первый раздел нашей книги посвящен проблематике **исторического знания** в императорской России.

Понимание прошлого в древней и допетровской Руси в последнее время стало предметом пристального внимания историков (В.М. Живова, И.Н. Данилевского, А.Л. Юрганова, К.Ю. Ерусалимского), отмечавших своеобразие и поэтику летописного текста и характер переосмысления восточнославянскими авторами библейского сказания применительно к событиям и обстоятельствам *своего* прошлого¹⁴. Восприятие минувшего своей страны и иных государств

¹¹ См.: Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003; Брачёв В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001 и др.

¹² См., в частности: Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

¹³ Базовыми текстами здесь была Степенная книга XVI века, сохранявшая значимость как памятник и источник исторических представлений и в XVIII столетии, а также многократно переиздававшийся «Синописис» Иннокентия Гизеля. См.: Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010 (особенно гл. 8 об официальных исторических сочинениях петровского времени, с. 334–385); Формозов А.А. Феномен «Синописиса» // Формозов А.А. Человечество и наука: из записей археолога. М., 2005. С. 127–146; о церковной переоценке роли Киева см.: Опарина Т.А. Москва как новый Киев, или Где же произошло Крещение Руси: взгляд из первой половины XVII века // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Л.П. Репина (ред.). М., 2006. С. 635–663.

¹⁴ См. только некоторые работы из весьма обширного списка: Живов В.М. Два пространства русского Средневековья и их позднейшие метаморфозы // Отечественные записки. 2004. № 5(20). С. 8–27; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001; Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000; Плеханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995; Ранчин А.М. Киевская Русь в русской

и народов в XVIII веке развивалось уже на принципиально иных основах. Недавняя полемика вокруг специфики историографического наследия В.Н. Татищева (в связи с книгой А.П. Толочко¹⁵) подчеркивает сложный характер конструирования истории в российском XVIII веке, часто далекого от современных исследовательских критериев и установок. В очерке **А.Б. Каменского** о Г.Ф. Миллере детально раскрыта проблематичность утверждения принципов критической историографии в российском академическом сообществе того времени¹⁶. В статье **Л.П. Репиной** показано не только становление Т.Н. Грановского в качестве крупнейшей фигуры российской медиевистики и всеобщей истории¹⁷, но и формирование его образа как модели поведения университетского человека и историка *per se* для более широкой культурной среды и для последующего времени (эта его репутация поддерживалась в историческом и гуманитарном сообществе и после 1917 года).

Развитие профессиональной историографии в России было невозможно без распространения исторических знаний в образованной среде общества – в домашнем воспитании¹⁸ и особенно в учебном деле¹⁹. Преподавание истории в средней школе и гимназии рассматривается в статье **Н.Г. Фёдоровой** в важном «остраняющем» повороте – предметом особого внимания автора становится не весь образовательный процесс в целом или только транслируемые в нем ценности и образцы, но именно учебные тексты²⁰. Притом учебники по всеобщей истории задавали рамку для интерпретации также и российского прошлого, когда «свое» широко и разнопланово постигалось на фоне «чужого». Позже ведущими текстами по отечественной истории станут книги знаменитого Д.И. Иловайского (1832–1920)²¹. Патриотические и порой верно-подданнические установки Иловайского окажутся затем предметом иронического изображе-

---

историософии XIV–XVII веков (некоторые наблюдения) // Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 221–232; *Ерусалимский К.Ю.* Понятие «история» в русском историописании XVI века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Л.П. Репина (отв. ред.). М., 2003. С. 365–401; *Ерусалимский К.Ю.* Прочтение Ренессанса историографией барокко: сборник Курбского в исторической культуре России конца XVII – начала XVIII века // Человек в культуре русского барокко. М., 2007. С. 386–408; *Усачёв А.С.* Древнейший период русской истории в исторической памяти эпохи Московского царства (на материале «Книги степенной царского родословия») // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. С. 609–634; *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII в. М., 1995. Ср. анализ европейских сочинений того времени: *Grafton A.* What Was History? The Art of History in Early Modern Europe. Cambridge, 2007.

¹⁵ Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005; Стефанович П.С. «История Российская» В.Н. Татищева: споры продолжаются // Отечественная история. 2007. № 3. С. 88–96; Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.

¹⁶ См. также: Каменский А.Б. Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Т. IX. СПб., 1991; и особенно материалы содержательного исследования: *Пеитич С.Л.* Русская историография XVIII в.: в 3 ч. Л., 1961–1971.

¹⁷ Маслова Н.В., Агеева И.В. Русская история в научном наследии Т.Н. Грановского. К 180-летию со дня рождения // Отечественная история. 1993. № 4. С. 73–84. См. более общий очерк отечественной традиции изучения всемирной истории: *Hecker H.* Russische Universalgeschichts schreibung: Von den «vierziger Jahren» des 19. Jahrhunderts bis zur sowjetischen «Weltgeschichte». München, 1983.

¹⁸ См. о популярной писательнице первой половины XIX века А.О. Ишимовой, авторе «Истории России в рассказах для детей» (1837–1841): *Файнштейн М.* Наставницы юных // Файнштейн М. Писательницы пушкинской поры: Историко-лит. очерки. Л., 1989. С. 42–57.

¹⁹ Володина Т.А. История в пользу российского юношества: XVIII век. Тула, 2000; Володина Т.А. Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. // История и историки. 2004. М., 2005. С. 104–126; Володина Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117–128.

²⁰ Белюфост М.Г. Проблемы школьного исторического образования в ракурсе внутренней политики российского правительства в начале XX века. Тамбов, 1998; Бабич И.В. Проблема учебника отечественной истории в политике министерства народного просвещения в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. 1990. Сер. 8. История. № 2. С. 73–83; Фукс А.Н. Школьные учебники по русской истории (1861–1917 гг.): учеб. пособие. М., 1985; Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографическое явление // Преподавание истории в школе. 2007. № 7. С. 28–34 (см. материалы докторской диссертации А.Н. Фукса «Школьные учебники по истории как историографический феномен (конец XVII века – 1930-е годы)». М., 2011).

²¹ См.: Чекурин Л.В. Русский историк Д.И. Иловайский: Опыт библиографического исследования. Рязань, 2002; Фукс А.Н. Русская история в школьных учебниках Д.И. Иловайского // Отечественная история. 2008. № 5. С. 185–192.

ния и пародирования в русской литературе (например, у авторов «Сатирикона» уже в начале XX века). Во второй половине XIX века тексты исторических пособий все чаще пишут сами профессиональные историки первого ранга – вроде С.М. Соловьёва или С.Ф. Платонова, учебные тексты по всеобщей истории для гимназий и школ создают также П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер и Н.И. Кареев²².

Середина XIX века становится временем созревания академических стандартов российской исторической науки, но это имело не только сугубо научные, но и социально-идеологические коннотации именно в плане поиска субъекта исторического развития (*народа*) и адресата исторического письма (*общественности*) в процессе конструирования прошлого. Важность работы **А.П. Толочко** в том, что он показывает всю сложность и многосоставность перехода от имперского к национальному историческому дискурсу. Эта общая проблематика рассмотрена на примере полемики об «этнической» принадлежности Киевской Руси между Михаилом Погодиным и Михаилом Максимовичем на страницах славянофильских журналов и научной периодики сразу после смерти Николая I. Уже через несколько десятилетий и особенно интенсивно к концу XIX века многие ранние опыты написания местной истории окажутся переиначены и задним числом «национализированы» пропагандистами украинского национального возрождения²³. Весьма проблематичным с 1880-х годов становится описание прошлого юго-западных территорий, которое в ряде работ авторитетных историков (особенно у Михаила Грушевского) начинает переосмысливаться сквозь призму идеи непрерывности украинской истории, в противовес «привычной схеме» движения русского исторического процесса²⁴ из Древнего Киева через Владимиро-Суздальскую землю прямо в Московское царство. Ревизия привычной картины отчасти была свойственна и занятиям историей так называемого Западного края (особенно Белоруссии²⁵). Точно так же обращение к еврейской историографии²⁶, к мусульманским памятникам (в Казани, Крыму или на Северном Кавказе)²⁷ или к прошлому народов Закавказья²⁸ существенно расширяет к исходу XIX века прежний мейнстрим (от Карамзина к Ключ-

²² Антощенко А.В. Русский либерал-англофил П.Г. Виноградов. Петрозаводск, 2010.

²³ См. важные соображения Олега Журбы (Днепропетровск) о позднем переходе от «регионального» к «национальному»: Журба О. Теоретичні проблеми української археографії // Україна модерна. 2005. № 9. С. 152–172.

²⁴ Наиболее известна критика традиционной схемы общероссийского исторического процесса (от древнего Киева через царскую Москву в имперский Петербург), сформулированная М. Грушевским в самом начале XX века (см.: Дорошенко Д. Огляд української історіографії. Прага, 1923 [Киев, 1996]; Ісаєвич Я. Праця Михайла Грушевського «Про дві схеми східно-європейської історії»: історіографічний і політичний контекст // Михайло Грушевський і Західна Україна. Львів, 1995. С. 83–90.). Позднее его аргументы отчасти были приняты во внимание А.Е. Пресняковым; но затем в отечественной историографии в понимании восточнославянского этногенеза надолго возобладала парадигма «древнерусской народности», начальные положения которой были сформулированы еще до советского периода (см. обстоятельную книгу украинского историка Натальи Юсовой: Юсова Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Київ, 2006).

²⁵ См.: Алексеев Л.В. Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX – начале XX в. // Советская археология. 1968. № 3. С. 85–100; Смоленчук А.Ф. Историческое сознание и идеология поляков Белоруссии и Литвы в начале XX века // Славяноведение. 1997. № 5. С. 100–105; Кохановский Г.А. Историография изучения культуры Белоруссии в конце XVIII – начала XX вв. Становление научных знаний по археологии, историческому краеведению и фольклористике. Минск, 1992.

²⁶ Локишин А. Российская иудаика: русско-еврейская история и ее исследователи // Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв. М., 1995. С. 3–22; Кельнер В.Е. Миссионер истории: жизнь и труды Семёна Марковича Дубнова. СПб., 2008 и т. д.

²⁷ Лушин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент, 1958; Лушин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. Ташкент, 1979; Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford, 2011.

²⁸ Джавахов И.А. А.С. Хаханов и его деятельность в области кавказоведения. М., 1912; Черняев П.Н. Из истории кавказоведения // Сборник статей по вопросам культуры. Ростовна-Дону, 1928. Вып. 4. (Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 43). С. 5–42; Тютюнишва Е.С. К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик, 1989. С. 113–125; Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII – первая треть XX в.): Библиографический указатель. Предварительный список: в 2 ч. / М.Е. Колесникова (автор-составитель);

чевскому) господствующего историографического канона. Этот имперский контекст²⁹, разнородность, а порой и несводимость локальных историй разного уровня в одну законченную и согласованную картину общего прошлого разных слоев населения и этнических групп привлекают первостепенное внимание новейшей историографии³⁰. Однако в первые десятилетия XIX столетия местные версии исторической памяти были весьма далеки от будущих национальных нарративов (см. также статьи В. Боярченкова и Н. Родигиной во втором разделе монографии).

Особенно активным процесс развития исторической науки «вширь» стал в пореформенные годы – см. публикуемую в книге статью воронежского исследователя **В.И. Чеснокова** (1939–2000)³¹. Регламентация учебного дела была только одной из частей формировавшегося механизма государственного регулирования исторического знания. Через выработку базовых положений университетского устава, установление численности и соотношения кафедр по факультетам и в академиях государство (а точнее – ведомство народного просвещения) определяло общие параметры, формальный состав исторической науки, характер воспроизводства преподавательского корпуса.

Важными моментами такой трансформации и «созревания» исторической науки стало расширение историографических изысканий, выделение историографии в отдельную отрасль науки (как свидетельство ее растущей автономизации) – особенно в трудах петербургского историка К.Н. Бестужева-Рюмина и его московских коллег³². Этой же тенденции к самостоятельности отвечало и сосредоточение работы университетских преподавателей на поиске и освоении нового знания совместно со студентами – в специализированных семинариях (с их формальными и неформальными режимами коммуникации и воспроизводства³³). Эти механизмы и практики профессионализации стали предметом специального рассмотрения в статье **А.В. Антощенко** и **А.В. Свешникова**³⁴. Вместе с тем сохранялась и общественная востребованность исторического знания даже в его специализированной форме – когда такие, казалось бы, внутренние перемены в корпорации, как защиты диссертаций или назначения новых профессоров, становились знаковыми событиями в жизни всего местного образованного общества (предмет специального исследования в очерке **Т. Сандерса**³⁵).

Общий ход автономизации и специализации исторического знания затронул также и область вспомогательных исторических дисциплин. Уже с 1770-х годов начинается систематическая деятельность по изданию источников по российской истории (стараниями Н.И. Нови-

---

М.П. Мохначёва (науч. ред). Ставрополь, 2009.

²⁹ См.: *Дмитриев А.Н.* Украинская наука и ее имперские контексты (XIX – начало XX века) // *Ab Imperio*. 2007. № 4. С. 121–172.

³⁰ См. очень важный сборник: *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / T. Sanders (ed.). Armonk, 1999 и недавно изданную антологию текстов из журнала «Ab Imperio»: *Изобретение империи: языки и практики*. М., 2011.

³¹ См. статью-некролог о нем: Владимир Иванович Чесноков как ученый // *Российские университеты в XVIII–XX веках*. Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 5–24 (и специальную монографию по теме: *Чесноков В.И.* Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х гг. XIX века. Воронеж, 1989).

³² См.: *Колесник И.И.* Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровск, 1993; *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. Известная работа киевского профессора В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» (1884) осталась скорее уникальным по полноте и всеохватности детальным обзором источников и литературы по русской истории, чем трудом по истории исторической науки.

³³ Упомянем для предыдущего периода важные справочники: *Каталог личных архивных фондов отечественных историков*. Вып. 1. XVIII век; Вып. 2. Первая половина XIX века / С.О. Шмидт (отв. ред.). М., 2001, 2007. См. также: *Byford A.* Initiation to Scholarship: The University Seminar in Late Imperial Russia // *The Russian Review*. 2005. Vol. 64. No. 2. P. 299–323.

³⁴ См. также содержательную работу: *Berelowitch W.* History in Russia Comes of Age. Institution-Building, Cosmopolitanism and Debates among Historians in Late Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 113–134.

³⁵ См. анализ схожих процессов на материале близкой к историографии дисциплины – филологии: *Byford A.* Literary Scholarship in Late Imperial Russia: Rituals of Academic Institutionalization. Oxford, 2007.

кова³⁶). Другим важным шагом по пути профессионализации исторической науки станет деятельность Археографической экспедиции (во главе с П.С. Строевым) в 1826–1834 годах, а позднее – и Археографической комиссии, работавшей на постоянной основе при министерстве народного просвещения с 1837 года³⁷. Одной из главных площадок поиска историка во второй половине XIX века постепенно становятся ведомственные архивы (в первую очередь, архив коллегии министерства иностранных дел и московский архив министерства юстиции³⁸). С 1804 года действует уже упомянутое Общество истории и древностей российских³⁹ при Московском университете (с 1837 года – Императорское)⁴⁰. Важнейшим центром изучения отечественной истории остаются университеты и Академия наук (а также Российская Академия, вошедшая в ее состав в 1841 году) – помимо собственно российской истории темами занятий академиков и адъюнктов были также всеобщая история, археология, востоковедение, византистика и исследования античности (в том числе на материалах Северного Причерноморья)⁴¹. Продолжается и расширяется выпуск специализированных серийных изданий по отечественной истории (включая публикацию источников, в частности «Полного собрания русских летописей», а впоследствии – и книжных серий П.И. Бартенева и А.С. Суворина)⁴².

Специальным изводом профессионального знания о прошлом в дореволюционной России оставались две отрасли, важнейшие для государственного и идейного строя Российской империи, – сферы военной и церковной историографии (последней посвящена в нашей монографии статья *Н.К. Гаврюшина*)⁴³. Обе они к тому же были и доменами особой, корпоративной памяти, которая находилась в ведении специальных учреждений (военного министерства, Генерального штаба или Священного синода и сети духовных академий). Однако к концу XIX века общий процесс распространения и демократизации знания о прошлом охватил и эти области, результатом чего стало возникновение Военно-исторического общества, открытие музея Суворова и увековечение важнейших сражений (от битвы на Куликовом поле до памяти о Русско-японской войне)⁴⁴, а также развертывание работ по церковной археологии, сохранению и

³⁶ Дербов Л.А. Н.И. Новиков и русская история (к изданию «Древней Российской Вивлиофики») // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Вып. 2. Саратов, 1968.

³⁷ Брачёв В.С. Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.). СПб., 1997.

³⁸ Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989; Щавелев С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоковасова. Курск, 1996; Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999.

³⁹ Демидов И.А., Ишутин В.В. Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки. 1975. М., 1978. С. 250–280; Боярченков В.В. Общество истории и древностей российских в середине 1840-х гг. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 114–121; Шахназарова М.Г. «Чтения в обществе истории и древностей российских» как историографический источник (1893–1918 гг.) // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 133–145.

⁴⁰ Степанский А.Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–208; Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 38–56.

⁴¹ Хартамович М.Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. СПб., 2006; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002; Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2006; Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. СПб, 2008 и др.

⁴² См.: Бакун Д.Н. Развитие библиографии исторических источников в России (XVIII – начало XX в.). М., 2006.

⁴³ Солнцев Н.И. «История русской церкви» Е.Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. Н. Новгород, 2010; Сухова Н.Ю. Научно-богословские исследования в России – проблемы и поиск (XIX – начало XX в.) // Сухова Н.Ю. Вертоград наук духовный. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М., 2007. С. 143–171 и др.

⁴⁴ Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962; Дьяков В.А. О возникновении, составе и деятельности Русского военно-исторического общества (1907–1917 гг.) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 275–288; Автократов А.В. Научно-издательская деятельность военно-исторических комиссий и военных исторических архивов дореволюционной России // Издание исторических документов в СССР. М., 1989. С. 129–152; Автократов В.Н. Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 1. С. 62–76; № 2. С. 61–78; Бориснев С.В. Деятельность Императорского русского военно-исторического общества. 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 43–47.

реставрации памятников⁴⁵. Все это касается другой важнейшей темы воссоздания прошлого – проблематики **исторического сознания** (и второго раздела нашей книги).

Отметим, что развитые представления о прошлом в допетровской Руси оставались достоянием узкого круга образованных людей и не имели еще секулярного характера, связанного с идеями общественного целого (а государственные, территориальные или этноязыковые начала или особенности тогда так или иначе трактовались через конфессиональную исключительность православного вероисповедания).

Необходимо иметь в виду, что в допетровский период какие-либо исторические сведения общенационального характера вообще были достоянием крайне ограниченной группы грамотных людей, но и их знания не отличались сколько-ни будь систематическим характером, поскольку даже русские летописи были им недоступны. Для элитарных слоев Московской Руси история сводилась по большей части к истории рода, имевшей утилитарное значение в плане определения места лица на социальной лестнице. Можно утверждать, что в русском обществе допетровского времени в принципе отсутствовало какое-либо целостное представление об истории собственной страны. Создание общенациональной истории было, таким образом, по существу вообще *обретением* Истории и воспринималось как часть процесса превращения России в «политичное» государство⁴⁶.

Глубина и травматичность произошедших в первой четверти XVIII века перемен и предопределили восприятие в последующем всего прошлого России (как «старой», так и «новой») прежде всего через оценку фигуры и наследия Петра Первого⁴⁷. Характерна в этом смысле популярность полулюбительского многотомного жизнеописания Петра, выполненного выходцем из купеческого сословия И.И. Голиковым (1735–1801), в первые десятилетия XIX столетия. В центре «Записки о древней и новой России» Карамзина, созданной для двора великой княгини Елены Павловны и оставшейся на десятилетия документом непубличным – а ради ее сочинения историк прервал работу над главным своим произведением, – оказывается наследие Петра. Для появления «Истории государства Российского» Карамзина были необходимы десятилетия собирательской и публикаторской деятельности И.Н. Новикова, работа единомышленников А.И. Мусина-Пушкина и позднее Н.П. Румянцева и его кружка⁴⁸. Но для восприятия этого сочинения более широким кругом читателей (предмет исследования в статье **В.С. Парсамова**) были также необходимы своеобразная историзация сознания образованных слоев и рефлексия по поводу недавнего прошлого, закреплённая в дворянской памяти деятелей «золотого века» о событиях минувшего XVIII столетия – через призму войн с Наполеоном и заката царствования Александра I. В этой связи особенно показателен очерк **Т.А. Сабуровой**, которая, в частности, рассматривает уроки и модусы восприятия революционных событий во Франции

⁴⁵ Славина Т.А. Исследователи русского зодчества: Русская историко-архитектурная наука XVIII – начала XX в. Л., 1983; Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи, XIX век. М., 1986; Вздорнов Г.И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006; Тарасов О. Русская икона в Серебряном веке. Из истории Комитета попечительства о русской иконописи (1901–1918) // Искусствознание. 2010. № 3/4 С. 461–486.

⁴⁶ Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы: Препринт WP6/2007/04. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 39.

⁴⁷ Плеханова М.Б. «Историческое» и «мифологическое» в ранних биографиях Петра I // Тартуский сборник. Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 78–119; Соловьёв Е.А. Пётр Великий и русская историческая мысль XIX – начала XX века // Отечественная история. 2006. № 4. С. 112–123. О легитимации через давнее прошлое и попытках его переописания см.: Рукавичникова В.В. Вадим Новгородский в русской историографии и литературе (Исторический факт и его интерпретация) // Русская литература. 2000. № 4. С. 73–83; Майофис М. Музыкальный и идеологический контекст драмы Екатерины II «Начальное управление Олега» // Тартуские тетради / Р.Г. Лейбов (сост.). М., 2005. С. 253–260.

⁴⁸ Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.

и французских исторических сочинений российской образованной элитой⁴⁹. Перемены в историческом сознании коснулись не только дворянского общества двух столиц, но и публики провинциальной⁵⁰. И именно региональному измерению исторического сознания посвящен помещенный в монографии очерк **В.В. Боярченкова**.

Созданные в 1820–1830-е годы специальные исторические общества и комиссии связывали деятельность исследователей и ревнителей просвещения в разных частях империи (особенно важными здесь были вначале – в первой половине века – губернские статистические комитеты, а с 1884 года – и губернские археологические комиссии)⁵¹. В.В. Боярченков (как и Н.Н. Родигина далее) подчеркивает разрозненность, весьма проблематичное единство усилий местных любителей старины и столичных историков, которые брали на себя функции обобщения и определения общей канвы для истолкования локального материала. Вообще регионализация отечественного исторического сознания – тема еще недостаточно изученная не только в связи с «федералистскими» устремлениями ряда историков начала эпохи Великих реформ⁵², но и в двойной перспективе неравномерного географического распределения университетского образования в России и будущего роста изучения и постижения местного края уже в первые десятилетия XX столетия (предмет исследования М.В. Лоскутовой⁵³).

Рассматривая взаимодействие профессиональной науки и общественного сознания 1860-х годов, важно учитывать «левославянофильские» труды историка М.О. Кояловича, связанного с западно-русскими (белорусскими) землями и противостоянием там «польскому элементу»⁵⁴. Коялович одним из первых сознательно и последовательно рассматривал развитие русской исторической науки как составную часть эволюции русского самосознания. Эту же идею, но с обратным идеологическим знаком (в русле либеральной трактовки эволюции «русского общества») проводил в «Главных течениях русской исторической мысли» в конце XIX века и Павел Милюков.

Наряду с публикацией обширного источникового материала важнейшую роль в развитии исторического сознания играли «толстые журналы» – литературно-публицистические еженесячники и историческая периодика (предмет внимания **Н.Н. Родигиной**, особенно важный в

⁴⁹ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой пол. XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991; Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997.

⁵⁰ Особая тема – исторические воззрения декабристов и либералов в 1810–1830-е годы, когда были заложены основы будущих столкновений западников и славянофилов и сформировался характер мировоззрения Герцена. См.: Иллерицкий В.Е. Революционная историческая мысль в России. М., 1974; специально о редакторе «Колокола»: Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия: секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. 2-е изд., испр. М., 1984.

⁵¹ Севастьянова А.А. Историография русской провинции второй половины XVIII в. (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1. С. 134–142; Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998; Комарова И.И. Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1978 год. С. 85–96; Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород, 1991; Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 187–198; Зубова Н.Л. Архивно-просветительские организации в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. 1990. Сер. 8. История. № 2. С. 62–72.

⁵² Боярченков В.В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб., 2005; о последующей эволюции региональной историографии см.: Аленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв. Рязань, 2002.

⁵³ Лоскутова М.В. Академия наук и краеведческое движение первой четверти XX в. // Академия наук в истории культуры России в XVIII – XX вв. / Ж.И. Алфёров (отв. ред.). СПб., 2010. С. 645–677; Лоскутова М.В. Уездные ученые: самоорганизация научной общественности в российской провинции во второй половине XIX – первой трети XX в. // Ab Imperio. 2009. № 3. С. 119–169; Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / А.Ю. Андреев (отв. сост.). М., 2009. С. 183–221; Loskutova M. A Motherland with a Radius of 300 Miles: Regional Identity in Russian Secondary and Post-Elementary Education from the Early Nineteenth Century to the War and Revolution // European Review of History. 2002. Vol. 9. No. 1. P. 7–22.

⁵⁴ Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 202–223.

плане отражения и представления региональной проблематики). С 1860-х годов появляется и специализированная историческая пресса (журналы «Русский архив» П. Бартенева и «Русская старина» М. Семевского)⁵⁵. Уже в 1880-е годы круг исторических журналов и изданий пополняется не только за счет специализированной периодики (включая органы различных обществ и вплоть до общеведомственного «Журнала министерства народного просвещения»)⁵⁶, но и путем расширения идеологического репертуара журналов, посвященных прошлому, как в правой части политического спектра, так и в особенности – в левой⁵⁷.

Самым непосредственным способом государственной «обработки» исторического сознания стала деятельность цензурного ведомства⁵⁸, которая распространялась и на публикации по русской истории (наиболее громкими в этом смысле станут скандал с Осипом Бодянским и запрещение издания Флетчера в «Чтениях Общества истории и древностей российских»⁵⁹). Помимо общих регулирующих усилий этого ведомства, очерченных в статье *И.М. Чирсковой*, контроль распространялся и на академическую деятельность, в частности на специальные изыскания петербургской Археографической комиссии⁶⁰. Запрещая и изымая «нелегитимную» информацию о прошлом, цензура своеобразным путем тоже участвовала в процессе формирования исторических представлений и социальной памяти российского общества.

Даже после революции 1905 года и либерализации законодательства о печати власти пытались регулировать историческую память либо прямым вмешательством и попыткой судебного преследования радикальных критиков (как в случае издания «Русской истории» М.Н. Покровским)⁶¹, либо через формирование благоприятной для правительства идейной среды и

⁵⁵ Дмитриев С.С. Дореволюционные исторические журналы // История СССР периода капитализма / С.С. Дмитриев, В.А. Фёдоров, В.И. Бовыкин (ред.). М., 1961. С. 171–190; Дмитриев С.С. Именословие русских исторических журналов // Русская литература. 1967. № 1. С. 73–83; Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики // Источниковедение отечественной истории (1975). М., 1976. С. 272–306; Зайцев А.Д. Пётр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». М., 2001; Порох В.И. Офицер, историк, издатель: Все о М.И. Семевском. Саратов, 2000; Железнова Т.В. Задачи, структура и тематика журнала «Исторический вестник» (1880–1904) // Историографические и источниковедческие проблемы истории СССР. М., 1987. С. 51–58; Кельнер В.Е. От «Древней и новой России» к «Историческому вестнику» (С.Н. Шубинский и становление исторических научно-популярных изданий в России в 1870-е гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. Л., 1988. Вып. 3. С. 156–176; Костылёва Р.Д. Историк-популяризатор С.Н. Шубинский во главе «Исторического вестника». Уссурийск, 1989; Мохначёва М.П. С.Н. Шубинский и его сборник-журнал «Древняя и новая Россия» // Труды Историко-архивного института. Т. 33. М., 1996. С. 168–176; о последнем редакторе исторического вестника см.: Иванова Г.Г. Историк-публицист Б.Б. Глинский // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 141–145.

⁵⁶ Русская историческая периодика 1861–1917 гг. Материалы к библиографии / С.Н. Ущиповский (сост.). СПб., 1992; Пошикарлова Н.М. Школьные учебники по русской истории в оценках Журнала министерства народного просвещения // Преподавание истории в школе. 2004. № 9. С. 26–31.

⁵⁷ См.: Шумейко М.Ф. Материалы архива В.Я. Богучарского по истории журнала «Былое» («Минувшие годы») // Археографический ежегодник за 1978 год. С. 276–284; Шумейко М.Ф. О выявлении и собирании документов революционного движения в России второй половины XIX – начала XX века (по материалам архива В.Я. Богучарского) // Археографический ежегодник за 1981 год. С. 178–187; Болотина А.В. В.Я. Богучарский по архивным материалам и в воспоминаниях современников // Страницы истории и историографии отечества. Вып. 3. Воронеж, 2001. С. 4–84; Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: История, редакторы, издатели. Л., 1990.

⁵⁸ Гринченко Н.А. История цензурных учреждений в России в первой половине XIX в. // Цензура в России. История и современность. Вып. 1. СПб., 2001. С. 15–46; Патрушева Н.Г. История цензурных учреждений в России во второй половине XIX – начале XX века // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып. 10. СПб., 2000. С. 7–48; Добровольский Л.М. Библиографический обзор дореволюционной и советской литературы по истории русской цензуры // Труды БАН СССР и фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. V. М.; Л., 1961. С. 245–252; Патрушева Н.Г. Изучение истории цензуры второй половины XIX – начала XX века в 1960–1990-е гг.: Библиогр. обзор // НЛО. 1998. № 30. С. 425–438.

⁵⁹ Боярченко В.В. С.Г. Строганов, С.С. Уваров и «история Флетчера» 1848 г. // Российская история. 2009. № 5. С. 144–150.

⁶⁰ Хартамович М.Ф. Императорская Археографическая комиссия и сеть археографических учреждений в России XIX в. // Академия наук в истории культуры XVIII–XIX вв. СПб., 2010. С. 268–311.

⁶¹ «Дерзостное неуважение Верховной власти». Материалы судебного процесса по делу об уничтожении 5-й книги М.Н. Покровского «Русская история с древнейших времен», 1912–1913 гг. / публ. подгот. Ю.В. Варфоломеев, А.А. Чернобаев // Исторический архив. 2011. № 2. С. 165–182.

деятельность особых информационных служб (во главе одного из таких подразделений стоял историк армии К.А. Военский (1860–1928)⁶²).

Развитие и усложнение российского исторического сознания второй половины XIX столетия было невозможно без задействования специализированных структур сохранения и воспроизводства памяти о прошлом – мы имеем в виду архивную отрасль, сферу археологических изысканий и консервации, а также выставочно-музейную деятельность. Эти последние области стали предметом содержательного очерка *А.В. Топычканова*, который проследил эволюцию разных моделей охраны памятников, указав на возрастание роли и значимости на протяжении XIX века материального «остатка» прошлого, включая его эстетическое содержание. В перспективе истории понятий особенно интересно обратить внимание на непривычно широкое для XX века употребление в предыдущем столетии слова «археология». Богатый материал для сопоставительного анализа в плане истории специализированных отраслей исторической науки дают программы Археологического института (открытого в Санкт-Петербурге в 1878 году) и обширные материалы дискуссий на археологических съездах, где немалую роль играли споры об охране памятников в самом широком смысле, включая архивные, а не только материальные данные⁶³. Именно на II Археологическом съезде Н.В. Калачов впервые предложил программу централизации архивной отрасли. Плодом его усилий стал не только Археологический институт в Петербурге, но и появление сети специальных губернских архивных комиссий – после 1884 года⁶⁴. А на XI Археологическом съезде в Киеве в 1899 году по докладу Д.Я. Самоквасова развернулась дискуссия, очень важная в плане будущей организации архивного управления и профессиональной консолидации (в первую очередь вокруг Союза архивных деятелей и академика А.С. Лаппо-Данилевского)⁶⁵. Следующая глава этой истории начнется в 1918 году, когда в Петрограде при активном участии и немалой поддержке большинства ученых «старой школы» будет создан Центрархив.

С середины XIX века историки стали заниматься не просто организацией экспедиций, обработкой результатов полевых изысканий, изучением коллекций или общим «попечением» над развитием музейной и особенно архивной областей; они взялись за выработку теоретических основ сбережения, отбора и публичного представления *ценных* свидетельств прошлого (в первую очередь в рамках общей модели музеефикации «подлинных» памятников). Рост просвещения, в том числе исторического, учреждение (после 1863 года) университетских кафедр по истории искусства, профессионализация церковной археологии, работа археологических институтов в Петербурге и Москве и особенно капитальные труды таких крупных ученых, как Никодим Павлович Кондаков (и его последователей), Николай Петрович Лихачёв, Дмитрий Власьевич Айналов и Егор Кузьмич Редин, – все эти факторы существенно обогатили представления тогдашнего образованного общества о русском художественном наследии и повлияли на общий характер восприятия российского прошлого во второй половине XIX века⁶⁶. Эпоха любителей и энтузиастов, «палеографов» постепенно уходила в прошлое. Однако «ака-

⁶² *Летников Э.В.* К истории правительственных информационных центров в России (1906–1917 гг.) // Вестник Ленинградского университета. Серия: История, язык, литература. 1973. Вып. 4. № 20. С. 80–88.

⁶³ *Бржостовская Н.В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России, 1869–1911 гг. // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 89–105; *Размустова Т.О.* Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 89–104.

⁶⁴ *Шведова О.И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377–433; *Макарихин В.П.* Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород, 1991.

⁶⁵ *Самоквасов Д.Я.* Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902; *Хорьдина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003.

⁶⁶ *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. Гл. 8. Академическая и университетская наука. С. 210–276.

демизация» не была и не могла быть окончательной; помимо этой экспертной прослойки в России тогда расширялась и укреплялась за счет формальных институций и неформальных отношений связанная с учеными среда профессионалов, работающих с наследием *практически*, – реставраторов, живописцев, архитекторов, критиков (особенно стоит отметить тут фигуру И.Э. Грабаря). Многие из них занимались не только прошлым, но даже в большей степени современными художественными практиками и течениями (например, adeпты неорусского или византийского стилей, очеркисты и обозреватели, авторы популярных музейных путеводителей, травелогов и т. д.).

Возвращаясь к политической ангажированности занятий минувшим, особенно важно подчеркнуть не только очевидные расхождения и полярность левой и правой историографических традиций дореволюционной России, но и некоторые важные структурные сходства⁶⁷. Представители как правой, так и левой общественности обращались к российской истории как к важному средству легитимации и утверждения своих базовых постулатов (включая юбилеи и различные торжества) – с характерным выбором фигур-протагонистов и антагонистов, Сусанина⁶⁸ или Пестеля, Чернышевского⁶⁹ или Суворова. Публикуемая в монографии статья **В. Каплан** особенно интересна тем, что обращается к пока недостаточно изученной – и, как показывает автор, внутренне противоречивой – консервативной пропаганде массового исторического знания⁷⁰. Начало XX века оказалось временем роста интереса к «своему» прошлому в левых кругах и в среде широкой «интеллигентской» общественности – от умеренных до радикалов⁷¹. Тут не только стоит отметить труды профессиональных историков или, напротив, политиков либо публицистов, пишущих на исторические темы (достаточно указать на занятия историей русской общественной мысли Р.В. Иванова-Разумника и Г.В. Плеханова⁷²), но и обратить внимание на становление в 1900–1910-е годы специфического слоя неакадемических историков, часть которых в будущем образует костяк советской историографии (от Б. Сыромятникова и В. Пичеты до М. Покровского и В. Волгина)⁷³. При этом сознание многомиллионной крестьянской массы менялось довольно медленно и едва ли было в полном смысле слова

⁶⁷ См. более общие рассуждения О.Б. Леонтьевой: *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара, 2011 (она рассматривает весьма детально историческое «воображаемое» пореформенной эпохи – от представлений о старообрядчестве до образов Ивана Грозного и Петра Великого).

⁶⁸ *Киселёва Л.Н.* Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997; *Живов В.М.* Сусанин и Пётр Великий. О константах и переменных в составе исторических персонажей // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 51–65; *Велижнев М., Лавринович М.* «Сусанинский миф»: становление канона // Там же. 2003. № 63.

⁶⁹ *Вандалковская М.Г.* История изучения русского революционного движения середины XIX века. 1890–1917 гг. М., 1982; *Критский Ю.М.* Вопросы истории русской общественной мысли и революционного движения в России XVIII – начала XX века в журнале «Голос минувшего» в 1913–1923 гг. // Исторические записки. 1972. М., 1973. С. 78–106.

⁷⁰ См. также: *Urban Vera.* Geschichte als Argument?: Politische Kommunikation russischer Konservativer in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Berlin, 2009; *Urban V.* «Geschichte» in der politischen Kommunikation konservativer Eliten im Zarenreich, 1860–1890 // *Jenseits der Zarenmacht: Dimensionen des Politischen im Russischen Reich 1800–1917* // W. Sperling (Hg.). Frankfurt am Main, 2008. S. 100–123.

⁷¹ *Будницкий О.В.* История «Народной воли» в идейной борьбе первой российской революции // Революционеры и либералы в России. М., 1990. С. 271–292; *Плеханов Г.В.* Предисловие к книге А. Туна «История революционного движения в России» // Тун А. История революционного движения в России. Женева, 1903. С. III–XLVII.

⁷² *Комиссарова Л.И., Ольховский Е.Р.* У истоков марксистской исторической мысли в России. М., 1986. См. также: *Пронина М.В.* К вопросу создания Г.В. Плехановым книги «История русской общественной мысли» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в.: Сб. науч. тр. Вып. 9. СПб., 1998. С. 106–119.

⁷³ Здесь важно не упустить из виду деятельность таких радикальных организаций, как Общество распространения технических знаний (его Учебного отдела), и энергичных внеакадемических историков – издателей и редакторов, вроде В. Каллаша, Д. Рязанова и др.: *Гуковский А.И.* Как создавалась «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 122–132; № 9. С. 130–142; *Rojahn J.* Aus der Frühzeit der Marx-Engels-Forschung: Rjazanovs Studien in den Jahren 1907–1917 im Licht seiner Briefwechsel im IISG // MEGA-Studien. 1996. Bd. 1. S. 3–65.

«исторично» (хотя, на наш взгляд, не стоит представлять его базисную структуру в виде некоего по сути неподвижного инварианта)⁷⁴.

Завершающий раздел книги посвящен **историческому воображению** – теме, для нашей историографии все еще малоизведанной. Открывается раздел обширной статьей **Е.А. Вишленковой**, посвященной исторической живописи и «наглядным» представлениям о прошлом первой половины XIX века. Эта тема рассматривается в более широком контексте эволюции визуальной культуры Российской империи и канонов представления (изображения) национального начала в искусстве (в соотношении с классическими образцами).

Парадоксально, но такое благодатное поле перспективных исследований, как отражение русской истории в русской литературе в XIX – начале XX веков оказывается при ближайшем рассмотрении едва возделанным⁷⁵. Даже классические произведения, от «Марфы Посадницы» Карамзина и «Истории пугачевского бунта» Пушкина⁷⁶ до «Войны и мира» и драматической трилогии А.К. Толстого⁷⁷, не получили сколь-либо систематического общего освещения в филологической литературе и явно недостаточно изучаются историками. Публикуемая в монографии статья **Е.Н. Пенской** – одна из немногих попыток такого рода синтеза, который не может не быть выборочным. Стоит указать лишь на некоторые потенциальные сюжеты: важность регионального (и шире – национального) нарратива внутри общего исторического повествования в отечественной литературе (например, произведения Н.И. Костомарова и П.А. Кулиша), нередкое сочетание в авторском мировоззрении и стиле подходов ученого и беллетриста, формирование новых горизонтов исторического письма в рамках культуры Серебряного века, в первую очередь у Мережковского (с его изображением событий начала XIX века, например, спорил Кизеветтер)⁷⁸. Для адекватной реконструкции темы исторического воображения не обойтись без детального и исторически варьирующегося анализа фигуры реципиента, потребителя исторических текстов и формул самого разного жанра⁷⁹ – в спектре от «имперского» читателя или слушателя, зрителя до революционно ориентированного «сознательного» рабочего или интеллигента (тут явно прослеживается связь с тематикой статьи В. Парсамова, посвященной первым десятилетиям XIX века)⁸⁰.

⁷⁴ См.: Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX в. Пермь, 1999; Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992; Буганов А.В. Личности и события истории в памяти русских крестьян XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 120–127.

⁷⁵ Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968; Формозов А. Историзм русской литературы (рец. на кн.: Л.В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968) // Новый мир. 1969. № 4. С. 267–271; Серман И.З. Ключевский и русская литература // Canadian-American Slavic Studies. 1986. Vol. 20. No. 3–4. P. 417–436.

⁷⁶ Серман И.З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Т. IV. Л., 1969. С. 118–149; Серман И.З. Ключевский и русская литература; Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; Эйдельман Н.Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984; Основат А. Исторический материал и исторические аллюзии в «Капитанской дочке»: статья первая // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые–Седьмые–Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 40–67.

⁷⁷ См. обширную статью академика Нестора Котляревского: Котляревский Н. Трилогия А.К. Толстого как национальная трагедия // Котляревский Н. Старинные портреты. СПб., 1907. С. 273–416.

⁷⁸ Юхименко Е.М. Старообрядческие источники романа Д.С. Мережковского «Пётр и Алексей» // De visu. 1994. № 3/4. С. 47–59; Берлин П. Александр I и декабристы в искажении Д. Мережковского // Новый журнал для всех. 1913. № 4. Стлб. 169–172; Садовский Б. Оклеветанные тени (О романе Д.С. Мережковского «Александр I») // Северные записки. 1913. № 1. С. 115–119; Корнилов А. Исторический роман Д. Мережковского «Александр I» // Современник. 1913. № 11. С. 184–200; Мельгунов С.П. Роман Мережковского «Александр I» // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 39–80 (часть отзывов представлена также в недавнем сборнике: Д.С. Мережковский: Pro et contra. СПб., 2001).

⁷⁹ Только мимоходом упомянем исследования Р. Тарускина и К. Эмерсон об истории в российском оперном искусстве (от Бородина до Чайковского и Мусоргского): Taruskin R. The Present in the Past: Russian Opera and Russian Historiography, ca. 1870 // Taruskin R. Musorgsky: Eight Essays and an Epilogue. Princeton, 1993. P. 123–200; Emerson C., Oldani R.W. Modest Musorgsky and Boris Godunov: Myths, Realities, Reconsiderations. Cambridge, 1994.

⁸⁰ Об исторической драматургии см. цикл работ самарского филолога В.А. Бочкарёва (Бочкарёв В.А. Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. М., 1988 и др.); Дотцауэр М.Ф. К вопросу об исторических источниках драматической трилогии А.К. Толстого // Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та. Вып. 12. Саратов, 1948. С. 29–52; Виролайнен М.Н. Историческая драматургия 50–70-х годов // История русской драматургии. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1987.

В то же время на полюсе популярного исторического сознания (начиная, пожалуй, с юбилея тысячелетия России) постепенно кристаллизуются основные структуры и модусы идеологической мобилизации истории (рассмотренные в частности, в статье *К.Н. Цимбаева*, который на материале XIX века выделяет основные ритуальные и «консолидационные» черты юбилеев, при последовательно проводимой выключенности из торжеств «низших классов» общества). Как продолжение сюжета о юбилейной мобилизации можно читать статью *С.А. Еремеевой* о монументальных практиках коммеморации⁸¹. Она особенно подробно останавливается на «квазиобщественной» составляющей монументостроительства, связанной с почитанием в XIX веке – при самом ближайшем участии верховной власти – памяти великих писателей прошлого от Ломоносова до Пушкина⁸².

В известном смысле сама художественная пропаганда на материале прошлого, которая вполне сложится уже в ходе Первой мировой войны и будет обращена к максимально широким общественным слоям⁸³, закладывала основы ранней советской исторической культуры (в которой был так велик художественный, особенно авангардный, элемент). И в области профессиональной исторической науки уже в 1920-е годы стал задействоваться объяснительный потенциал и подходы, накопленные оппозиционной – народнической, эсеровской и социал-демократической – историографией еще до революции⁸⁴. Вместе с историческим сознанием революционного плана (центрированным на «освободительном движении» и классовой борьбе) и леворадикальным историческим воображением⁸⁵, такая наука станет одним из оснований советской исторической культуры. Но там будут работать совсем иные модусы профессионализма в соотношении с массовым историческим просвещением и самосознанием (от книг Покровского и Каутского до «Краткого курса» истории ВКП(б) и сочинений Б.Д. Грекова и М.В. Нечкиной). Это уже будут механизмы выработки совсем другого – хотя также вполне нашего – прошлого, призванные либо вовсе перечеркнуть, либо в корне видоизменить очень схематично рассмотренную нами двухвековую традицию.

С. 309–335; *Ростоцкий Б., Чулкин П.* «Царь Фёдор Иоаннович» на сцене МХАТа. М.; Л., 1940.

⁸¹ См. также: *Антощенко А.В.* Увековечивая в бронзе: правительственный замысел памятника «Тысячелетию России» и его воплощение // *Феномен прошлого* / И.М. Савельева, А.В. Полетаев (отв. ред.). М., 2005. С. 396–418.

⁸² Стоит в этой связи особенно подчеркнуть растущую «субъективацию», персонализацию отечественной культурной памяти и исторического сознания интеллигенции, особенно по мере роста богатства и сложности русской литературной культуры (что не отменяло, а порой парадоксально усиливало коллективистские инспирации); см.: *Гронас М.* Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 51. С. 68–88 (о выражении «память сердца»); *Паперню И.* Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1859–1990-е годы) // Там же. 2010. № 103. С. 41–66.

⁸³ См.: *Jahn H.F.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; L., 1995.

⁸⁴ Особую роль в формировании новой исторической культуры сыграло и либеральное крыло историографии и публицистики начала XX века (Г. Джаншиев, И. Иванюков, А. Корнилов и др.), разумеется, весьма далекое от взглядов социал-демократов или М. Покровского.

⁸⁵ *Corney F.C.* Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, 2004.

Раздел I

Историческое знание

А.Б. Каменский

У истоков русской исторической науки: Г.Ф. Миллер

Примерно с середины XIX века, когда русскими историками были сделаны первые попытки осмыслить накопленный опыт в изучении отечественной истории, сложилось представление о возникновении исторической науки в России в начале XVIII века, т. е. тогда же, когда в ходе петровских преобразований наука вообще впервые появляется как самостоятельная сфера человеческой деятельности, и с основанием в 1725 году Петербургской академии наук приобретает институциональный характер. За своего рода точку отсчета была взята деятельность В.Н. Татищева, которого принято считать первым русским ученым-историком. Подобные представления об истории русской исторической науки преобладали и в советское время, хотя уже на его излете были сделаны попытки связать ее начало с именами живших во второй половине XVII века Андрея Лызлова, Игнатия Римского-Корсакова и др.⁸⁶ В наши дни, однако, многие исследователи, работающие в рамках науковедческих подходов, придерживаются точки зрения, согласно которой «становление истории как полноценной науки» в современном ее понимании не только в России, но и в мире в целом происходит не ранее середины – конца XIX столетия «одновременно с выделением общественных наук как самостоятельного типа знания, дифференцированного от естествознания». В это время утверждаются общественные науки «с собственными предметными областями» (психология, социология, антропология, политология, экономика) и одновременно происходит «возведение истории в ранг науки»⁸⁷. Одним из важнейших признаков появления истории как науки считается учреждение в университетах исторических факультетов и специальных кафедр, осуществляющих профессиональное образование историков. В связи с этим сегодня исследователи осторожно говорят о XVIII веке как о времени перехода «от накопления исторических знаний к научному освоению исторического материала», отличающемуся «от предшествующего более научным подходом к истории»⁸⁸.

Вполне очевидно, что за этими разногласиями стоит различное понимание существа науки и ее отличия от иных форм знаний о прошлом. Столь же очевидно и то, что становление исторической науки – это длительный процесс, связанный с формированием научных представлений о прошлом и выработкой научных методов его изучения. Создание исторического факультета университета, несомненно, знаменует собой важнейший этап этого процесса, однако очевидно, что его невозможно открыть, если там некому преподавать, но что еще важнее, к моменту его открытия должно сложиться понимание того, *что* преподавать, т. е. что такое профессиональное образование историка. Сама идея создания исторического факуль-

---

⁸⁶ См.: Чистякова Е.П., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988; Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994.

⁸⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 292–295; Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. С. 21.

⁸⁸ Дворниченко А.Ю. О периодизации и содержании курса русской историографии // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2005. Вып. 4. С. 32. Выражение «более научный подход» вряд ли можно признать удачным: подход может быть либо научным, либо ненаучным.

тета не может возникнуть без представления об истории как самостоятельной науке, о ее объекте и предмете, ее методе, без сложившихся исследовательских практик⁸⁹. Представляется, что окончательное разделение истории и естествознания, а также выделение иных социальных наук можно рассматривать как завершающий этап процесса превращения истории в полноценную науку, истоки которого применительно к России все же вполне оправданно искать в середине XVIII века.

Те исследователи, кто связывал зарождение русской исторической науки с деятельностью Татищева и других его современников, совершенно справедливо отмечали, что именно этим писателям принадлежат первые авторские труды по русской истории, имеющие признаки научной работы, поскольку в отличие от предшествующей летописной традиции эти труды были основаны на изучении и сравнительном критическом анализе различных исторических источников. С этой точки зрения, достаточно очевиден и вклад в начало научного изучения русской истории Герарда Фридриха Миллера (1705–1783). Ему не только принадлежат первые в историографии труды по целому ряду проблем отечественной истории, давшим точку отсчета нескольким важнейшим, продолжающим существовать и поныне научным направлениям. Весьма значительной была его роль и в расширении источниковой базы исторических исследований за счет привлечения делопроизводственных и актовых документов, а также источников иностранного происхождения. Собственно, именно Миллер был первым исследователем, кто, обратившись с научными целями к архивным документам, занялся их систематическим изучением. Само слово «источник» в современном значении было впервые употреблено именно в его трудах⁹⁰. Хорошо известна и роль ученого, ратовавшего за создание исторического департамента Академии наук и первым получившего звание российского историографа, в институциональном становлении исторической науки в России, а также в распространении знаний по русской истории как внутри страны, так и за рубежом⁹¹.

Однако наука не сводится лишь к содержательной части знания и даже к научно обоснованным методам. Наука – это еще и определенные, принятые научным сообществом практики, формы представления и распространения результатов исследования, их апробации и оценки в соответствии с определенными критериями – формальными либо неформальными, но также принятыми коллегами по цеху. Именно с этой точки зрения в данной статье и предлагается взглянуть на деятельность Миллера и его вклад в становление российской исторической науки. Но прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению этой темы, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Как известно, Миллер – одна из самых спорных фигур отечественной историографии. Оценки его исторических трудов были чрезвычайно полярными не только в советское время, когда он стал одной из жертв борьбы с космополитизмом конца 1940-х годов, но и до революции, когда на эти квалификации еще не влияли идеологические мотивы. Если К.Н. Бестужев-Рюмин называл Миллера «отцом русской истории»⁹², то в работах С.М. Соловьёва, П.Н. Милюкова и др. историк предстает своего рода ремесленником, «чернорабочим» от истории

---

⁸⁹ Характерный пример интерпретации истории исторической науки. Автор диссертации по истории судебной реформы начала XVIII века отмечает: «Историография поставленного вопроса ведет свое начало с середины XIX столетия – времени, когда российская историческая наука получила свои кафедры в главных университетах Российской империи. Если первая половина века оказалась периодом складывания исторической науки, когда начал формироваться общий взгляд на историю России, то его вторая половина дала возможность подойти к вопросам государственного устройства...» (*Бородин Е.В. Проведение судебной реформы в 20-х гг. XVIII в. на Урале и в Западной Сибири: автореф. дис... канд. ист. наук. Челябинск, 2008. С. 9*).

⁹⁰ См.: *Илизаров С.С. О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 201–202.*

⁹¹ См. подробнее: *Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 374–415.*

⁹² *Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 210.*

(выражение Миллюкова), не способным подняться до вершин аналитических обобщений⁹³. По-видимому, дело в том, что, будучи единственным историком того времени, кто не только не создал, но даже не пытался создать крупный обобщающий труд по истории России, подобный сочинениям Татищева и Щербатова, и, таким образом, как кажется, не имевший собственной целостной концепции русской истории, Миллер очевидно проигрывает на фоне своих современников. За исключением многотомной «Истории Сибири», он вроде бы не оставил капитальных исследований, а основным видом его научной продукции были тематические статьи, в лучшем случае небольшие монографии, посвященные отдельным историческим сюжетам. Нужно заметить, что отчасти подобное представление связано с тем, что труды Миллера недостаточно хорошо известны. Правда, как автор многочисленных разножанровых сочинений, он оказывается гораздо ближе к современным историкам со свойственной им специализацией, чем те же Татищев или Щербатов. Но если в наше время историки посвящают свои исследования, как правило, какому-то определенному периоду русской истории, а чаще даже конкретной тематике в рамках этих периодов (работая при этом в одном из направлений исторической науки), то специальностью Миллера была все же история России как таковая. Это естественно, поскольку сам объем накопленных исторических знаний был тогда минимален, а проблемное поле русской истории не разработано. К тому же само историческое знание в то время носило целостный характер, и еще не произошло разделения на социальную, политическую, экономическую историю и т. д.

От современников Миллера отличало и еще одно обстоятельство: после смерти в 1738 году Г.З. Байера он был единственным в России XVIII века, для кого занятия историей были не увлечением, а работой, за которую ему платили жалованье. В этом смысле, хотя Миллер не получил, да и не мог получить непосредственно исторического образования, о нем можно говорить, как о первом русском профессиональном историке. При этом изначально историк оказался в уникальной и идеальной для исследователя ситуации: у него не было практически никакого предварительного знания о предмете исследования. Почти не существовало и историографии, которую следовало бы изучить, и на которую можно было бы опереться. Но зато был необъятный массив неизученных источников, и требовалось лишь время для того, чтобы приобрести опыт и выработать приемы работы с ними.

Только с учетом этого можно правильно оценить и наиболее резкие из высказанных в дореволюционное время суждения о Миллере-историке, принадлежащие Н.Н. Оглоблину, который обвинил Миллера в небрежном копировании документов во время путешествия по Сибири и таким образом поставил под сомнение его источниковедческие достижения⁹⁴. Эта критика не учитывала как раз то, что никакого опыта подобного рода работы у Миллера, как, впрочем, и ни у кого другого в России того времени еще не было, как не существовало еще никаких археографических правил и приемов. Их только предстояло выработать в ходе практической деятельности. Миллер к тому же, приступая к этой деятельности, еще не владел русским языком, и документы для него первоначально копировали служащие местных сибирских учреждений. Как справедливо писал о Миллере П.Н. Миллюков,

очутившись перед необозримыми горами сырья, разработка которых требовала больше усидчивости и терпения, чем критического чутья и искусных методических приемов, он не отвернулся от него, сумел оценить

---

⁹³ Соловьёв С.М. Герард Фридрих Мюллер (Фёдор Иванович Миллер) // Современник. 1854. Т. 47. № 10. Р. 115–150; Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.

⁹⁴ Оглоблин Н.Н. Герард Миллер и его отношение к первоисточникам // Библиограф. 1889. № 1. С. 1–11; Оглоблин Н.Н. К вопросу об историографии Миллере // Библиограф. 1889. № 8–9. С. 161–166.

огромное значение этого материала для исторической науки и, отложив в сторону ученую брезгливость, усердно принялся за его изучение⁹⁵.

По словам С.В. Бахрушина,

в 1733 году из Петербурга выезжал еще новичок, приступавший лишь к работе над историческими источниками. Через десять лет Миллер вернулся уже выдающимся специалистом не только в области истории, но и географии и этнографии... Десять лет Камчатской экспедиции создали Миллера как ученого европейского масштаба⁹⁶.

Второе обстоятельство, которое необходимо принять во внимание, рассматривая вклад Миллера в становление русской исторической науки, связано с общими тенденциями развития исторического знания рассматриваемого времени. Начиная с эпохи Возрождения трудами ряда французских, немецких, итальянских и др. авторов была постепенно разрушена целостность образа европейской истории и выражены претензии отдельных европейских народов на первенство, обосновывавшееся их древностью. Тем самым определялось и место этих народов в Истории, сами они признавались *историческими*, а историческое знание становилось средством легитимации политических претензий, а также формирующейся идеи нации и национальной идентичности⁹⁷. В России начала XVIII века соответствующих текстов еще не существовало, а сама потребность в них возникла и была осознана в ходе петровских реформ, изменивших статус страны и ее место в мире, а главное – сформировавших представление о государстве как самостоятельном субъекте, отделенном от государя и, по словам самого Петра, «врученном» ему для управления. Но одновременно с этим в XVIII веке завершается отделение гражданской истории от церковной, и важнейшей приметой исторического знания в Европе становятся рационализм и стремление к объективности. Появляются сочинения, «свидетельствующие об упрочении аналитического подхода к истории», причем «сама идея просвещения с неизбежностью усиливала прагматический компонент исторического знания»⁹⁸.

Возникшая в ходе петровских реформ Российская империя, созданная на основе идеи рационального регулярного устройства, нуждалась, как уже сказано, в легитимации, в том числе средствами истории. Опоры в виде исторических знаний требовал также начавшийся заново, на новой основе, процесс формирования национальной идентичности – но знаний уже иного, чем прежде, секулярного и верифицируемого характера. По мере формирования на протяжении столетия национального самосознания интерес к прошлому все более усиливался, а на смену свойственной соратникам Петра гордости за «Россию молодую» приходила характерная для эпохи Екатерины Великой гордость за многовековую историю страны. Причем это было не просто обретение заново собственной истории, утерянной в ходе радикальной трансформации. Это было содержательно новое знание, в фокусе которого была уже не история отдельных родов, необходимая для местнических счетов, и даже не история только правящей династии, но собственно история страны, хотя и ориентированная преимущественно на историю русской государственности. Наконец, в отличие от летописной традиции предшествующих веков, стимулом к познанию прошлого становилось не стремление зафиксировать события земной жизни для отчета на Божьем суде⁹⁹, а сочетание осознания утилитарного значения истории для политических и воспитательных целей с характерной для эпохи Просвещения жадой знания как такового. Иначе говоря, формирующаяся заново версия прошлого России, так же как в Европе

---

⁹⁵ Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 67.

⁹⁶ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 17.

⁹⁷ См.: Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории / В.С. Бондарчук (отв. ред.). М., 2005.

⁹⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006. С. 535.

⁹⁹ См. об этом: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 40–41; Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

в целом, должна была иметь гражданский, секулярный характер, что полностью соответствовало и духу петровских преобразований.

Миллер вполне разделял характерные для его времени взгляды на значение исторического знания и уже в своем проекте Исторического департамента Академии наук в 1746 году писал:

Каждому человеку... в истории необходимая нужда есть; она обыкновенно называется зеркалом человеческих действий, по которому о всех приключениях нынешних и будущих времен, смотря на прошедшие, рассуждать можно¹⁰⁰.

За годы жизни в России Миллер, несомненно, как свидетельствовал А.Л. Шлёцер¹⁰¹, стал патриотом своей второй родины, а приобретенный здесь опыт научил его тому, что «историческая правда» может быть политически опасной и потому сообщать публике нужно не все, что знаешь. Однако в том, что касалось научных исторических изысканий, Миллер стоял на очевидно объективистских позициях, утверждая, что историк

должен казаться без отечества, без веры, без государя... все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести¹⁰².

Собственно, тут и крылось основное расхождение между Миллером и Ломоносовым. Как верно заметил А.С. Мыльников, в дискуссии Ломоносова с Миллером 1749–1750 годов

столкнулись два методологических подхода – один, представленный Миллером, восходящий к рационалистической критике раннего немецкого Просвещения, и другой, представленный Ломоносовым, сочетавший просветительские представления с элементами поэтики русского барокко, сцементированные идеями национального патриотизма¹⁰³.

Настаивавший на различении исторического исследования и «панегирической речи» и считавший, что негативные примеры из прошлого имеют не меньшее воспитательное значение, чем положительные, Миллер, вместе с тем, в отличие от своего оппонента, очевидно не ставил перед собой цель создания национального исторического дискурса, рассматривая свою за дачу не как политическую или патриотическую, но как сугубо научную, исследовательскую, связанную с производством нового знания.

С этой позицией Миллера, думается, связан и его отказ от попыток написать историю России, подобную «Истории» Татищева, и таким образом предложить собственную концепцию русской истории в целом. Знакомый с «Историей Российской» Татищева по рукописям, хранившимся в Академии наук, и позднее осуществивший первое ее издание, Миллер сознавал, что для того, чтобы подняться на новый уровень обобщения и осмысления прошлого, необходимо было прежде определить, чем и как следует заниматься, освоить иные виды источников,

---

¹⁰⁰ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. С. 355.

¹⁰¹ Шлёцер А.Л. Общественная и частная жизнь. СПб., 1875. С. 25–26.

¹⁰² Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л. 1957. С. 148–149.; Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 381. Ср. с замечанием Щербатова, на взгляды которого Миллер оказал значительное влияние: «Не состоит должность историка самому повествование писателей, из которых выбирает деяния исторические, переменить. Может он учинить некоторыя размышления по случаям обстоятельств бывших дел, но никогда до самых дел для того, что они благопристойнее и сходственнее были бы с обстоятельствами, касаться не может, ибо сие было бы писать роман, а не историю» (Письмо кн. Щербатова, сочинителя Российской Истории, к одному приятелю с оправданием на некоторыя сокрытия и явныя охуления, учиненныя его Историей от г-на генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древния и нынешния России г-на Леклерка. М., 1789. С. 29–30).

¹⁰³ Мыльников А.С. Славянская тема в трудах Татищева и Ломоносова: опыт сравнительной характеристики // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Т. IX. СПб., 1991. С. 35.

разработать методику их поиска, изучения, публикации и интерпретации. Необходимо было определить круг вопросов, поиск ответов на которые следовало вести в первую очередь и без разрешения которых любой сводный труд по русской истории стал бы лишь новой компиляцией уже известных сведений и подражанием Татищеву. Собственно, подобного рода работ, практически ничего не внесших в развитие исторической мысли, в середине – второй половине XVIII века появилось немало. Миллер же еще в 1732 году, имея минимальный опыт занятий историей, писал, что

история Российского государства и принадлежащих к нему стран представляет столько трудностей, что написать о ней систематическое сочинение едва ли можно надеяться в двадцать и даже более лет¹⁰⁴.

Еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание, это, конечно же, то, как Миллер был подготовлен к занятиям русской историей. Закончив гимназию в родном Герфорде, будущий историк России поступил в университет Рингельна, а затем продолжил образование в университете Лейпцига, где в 1725 году получил степень бакалавра. Здесь он учился у Иоганна Бурхарда Менке, который в свою очередь был сыном Отто Менке – основателя и издателя первого германского научного журнала – «Acta eruditorum». После смерти отца Менке-сын продолжил его дело, а с 1715 года он также издавал на немецком языке «Новые ученые ведомости» («Neue Zeitungen von Gelehrten Sachen»). Менке имел звание саксонского историографа и являлся автором сочинения «Писатели германской истории, особенно саксонской» («Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum»), впрочем, вышедшего в свет уже спустя несколько лет после отъезда Миллера в Россию. Помимо этого Менке писал стихи и был основателем местного поэтического общества (Deutschübende poetische Gesellschaft), но более всего он прославился в качестве автора серии лекций «De Charlataneria Eruditorum», явившихся первыми в раннем немецком Просвещении сатирическими сочинениями, направленными на борьбу с лжеучеными¹⁰⁵. Менке был также обладателем обширной библиотеки, которой Миллер имел возможность пользоваться.

По мнению новейшего биографа Миллера С.С. Илизарова, в студенческие годы на будущего историка России могли оказать влияние еще два человека – Иоганн Кристоф Готтшед и Даниэль Георг Морхоф¹⁰⁶. Первый из них, впоследствии прославившийся как писатель, критик, теоретик литературы и издатель журналов, появился в Лейпциге в том же, что и Миллер, 1724 году в качестве домашнего учителя детей Менке (и тогда же защитил диссертацию). С Готтшедом Миллер, несомненно, был знаком и позднее состоял в переписке¹⁰⁷. О влиянии на него Морхофа – немецкого писателя и ученого XVII века, автора сочинения «Полигистор» («Polyhistor, sive de auctorum notitia et rerum commentarii») – своего рода энциклопедии знаний и учености того времени, упоминал сам Миллер¹⁰⁸.

Канадский биограф Миллера Джером Блэк называет еще одно имя – ученика Лейбница Иоганна Якоба Маскофа, автора 10-томного сочинения «Geschichte der Teutschen bis zu Anfang der frankischen Monarchie». Блэк особо подчеркивает, что Маскоф

¹⁰⁴ Цит. по: *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 65.

¹⁰⁵ См.: *Gombosz I.* De Charlataneria eruditorum: Johann Burkhard Mencke as a forerunner of the enlightened satire // *Daphnis. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur*. 1999. Vol. 28. No. 1. S. 187–200.

¹⁰⁶ *Илизаров С.С.* Герард Фридрих Миллер (1705–1783). М., 2005. С. 19–20.

¹⁰⁷ Митрополит Евгений Болховитинов полагал, что Миллер «наиболее обучался» именно у Готтшеда, однако это утверждение представляется сомнительным (*Евгений [Болховитинов]*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Составлен митрополитом Евгением. М., 1845. Т. II. С. 55).

¹⁰⁸ «С моей юности и до моего возвращения из поездки в Англию, Голландию и Германию я был под влиянием полигистории самое большое морховского типа: ученой истории, познаний, которые добываются в библиотеке» (*Миллер Г.Ф.* История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Миллер Г.Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 644).

использовал критические методы для определения достоверности источников, цитировал их в точности, как в оригинале и, хотя относился к ним с уважением, как к реликтам минувших веков, опроверг многие распространенные легенды¹⁰⁹.

Следует заметить, что Лейпцигский университет был одним из лучших и наиболее известных университетов Германии того времени, однако чему именно учился там Миллер и, в частности, чему он учился у Менке, не вполне ясно. Очевидно, что учился он на философском факультете, который, по словам автора статьи «Университет» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в то время «давал энциклопедическое образование»¹¹⁰. В этой связи вряд ли прав был П.Н. Милюков, указывавший на отсутствие у Миллера «строгой школы и серьезной ученой подготовки» и доверчиво повторявший слова А.Л. Шлёцера о том, что за годы жизни в России Миллер забыл все, что когда-то знал¹¹¹. Состав библиотеки Миллера, хранящейся ныне в Российском государственном архиве древних актов, его обширная переписка и многолетнее сотрудничество с немецкими издателями И.К. Готтшедом и А.Ф. Бюшингом свидетельствуют о том, что он был в курсе всего, что происходило в европейской науке.

Во многих российских биографиях историка упоминается, что Миллер слушал курс Менке по журналистике, но происхождение этих сведений не вполне понятно. Так, сам Миллер не упоминает об этом ни в своей автобиографии¹¹², ни в также содержащей много автобиографических данных «Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге»¹¹³. Не упоминается об этом и в наиболее полной дореволюционной биографии ученого, составленной П.П. Пекарским¹¹⁴. С.С. Илизаров в своей биографии Миллера, напротив, пишет о лекционном курсе по журналистике, а затем уточняет: «Миллер прослушал первый в Германии курс *истории журналистики* (курсив мой. – А.К.)», не сообщая, однако, ничего об источнике этих сведений¹¹⁵.

Не исключено, что подобная версия возникла под влиянием того, что известно о журналистской деятельности Менке, а также самого Миллера, внесшего существенный вклад в развитие русской журналистики. В 1728 году он основал первый русский журнал «Примечания к Ведомостям», а несколько позднее и первый исторический журнал – «Sammlung Russischer Geschichte»¹¹⁶. С 1755 по 1764 год под редакцией Миллера выходило одно из лучших русских периодических изданий XVIII века – журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», ставший образцом для ряда новых журналов и явившийся, по сути, первым русским «толстым журналом».

Следует заметить, что основание Миллером первого русского журнала (его полное название было «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях») произошло спустя лишь несколько десятилетий после возникновения научной журналистики в Западной Европе. Между тем, появление первых научных журналов, в свою очередь, породило новый научный жанр – журнальную статью исследовательского характера. Научные жанры, т. е. формы представления результатов научных изысканий, складывались постепенно

¹⁰⁹ Black J.L. G.-F. Muller and the Imperial Russian Academy. Kingston; Montreal, 1986. P. 5.

¹¹⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 68. СПб., 1902. С. 771.

¹¹¹ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 67.

¹¹² См.: Миллер Г.Ф. Описание моих служб // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 145–155.

¹¹³ См.: Миллер Г.Ф. История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. С. 481–647.

¹¹⁴ См.: Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1.

¹¹⁵ Илизаров С.С. Герард Фридрих Миллер. С. 17, 22.

¹¹⁶ Относительно определения данного издания как исторического журнала среди исследователей, впрочем, нет единства. См.: Мохначёва М.П. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. Кн. 1. М., 1998. С. 255–257.

с эпохи Возрождения, и к XVII веку наиболее распространенными были трактат, диалоги и письмо. Немецкий историк науки Леонард Ольшки в связи с этим отмечал:

Когда в 1665 году появились «*Journal des Savants*» в Париже и «*Philosophical Transactions*» в Лондоне и за ними последовали в 1682 году лейпцигские «*Acta eruditorum*», а в Италии после ряда попыток, начавшихся еще в 1668 году, был основан «*Giornale de'Litterati*» (1710), ученым был навсегда обеспечен обмен мнений. Статья, доступная всем заинтересованным лицам, заняла место письма и приняла более объективную, менее личную форму, при сохранении некоторых особенностей, характерных для обеих литературных форм. Письму и статье в научной литературе присущ характер «*essay*». Всего лучше видно это родство в сборниках писем публицистического характера во всемирной литературе, как например, в «*Provinciale*» Блеза Паскаля и в персидских письмах Монтескьё. Уже в эпоху Просвещения их место заняла передовая статья, или, со времени «*Nouvelles de la Republique des lettres*» Бейля (1684), критическая журнальная статья¹¹⁷.

В наше время научная статья определяется как «сочинение небольшого размера, в котором автор излагает результаты собственного исследования конкретной темы или ее части»¹¹⁸. В России первые статьи научного характера на русском языке были опубликованы в «Примечаниях к Ведомостям». В основном это были сочинения профессоров Академии наук по математике, астрономии, химии, естествознанию, истории, палеонтологии и т. д.¹¹⁹ В целом «Примечания к Ведомостям» были научно-популярным, просветительским журналом. Публикуемые в нем статьи являлись преимущественно комментариями к информации о тех или иных событиях, в основном зарубежных, о которых сообщалось в «Санкт-Петербургских ведомостях». Так, к примеру, если газета извещала о кончине какого-нибудь европейского вельможи или политического деятеля, то в журнале нередко появлялась статья с его жизнеописанием, а иногда и с подробной историей всей его семьи. Помимо этого в «Примечаниях» печатались исторические очерки о крупных европейских городах, переводы из имевших тогда общеевропейскую известность английских журналов, а также естественно-научные и философские трактаты просветительского характера, как, например, «О льде», «О зрительных трубах», «Как во Франции фарфоровая посуда делается», «О сыскании Америки», «О щастии», «О пользе философии в юриспруденции» и т. д. При этом наряду с обширными публикациями по истории английского парламента и оперного искусства попадались и такие, как «О найденной во Франции дикой девице».

Среди появившихся в журнале статей исторического характера – написанное Миллером редакционное предисловие к «Примечаниям» 1729 года, в котором он приводит краткие сведения по истории европейской журналистики. По мнению С.С. Илизарова, это был «первый в своем роде исторический очерк на русском языке», который «был сочинен в 1728 году, то есть на заре формирования русского научного языка»¹²⁰. Однако очевидно, что изначально предисловие было написано Миллером по-немецки, а затем переведено на русский язык, поскольку сам историк им в это время еще не владел. Во-вторых, по жанру это не научная статья, а именно предисловие, да к тому же достаточно краткое, занимающее в современной публикации лишь

---

¹¹⁷ Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Т. 2. М.; Л., 1934. С. 198.

¹¹⁸ Балыхина Т.М., Лысякова М.В., Рыбаков М.А. Курс русского языка и культура речи для учащихся вузов. URL: <http://langrus.ru/index.php?option=content&task=view&id=41> (дата обращения 21.11.2008 г.)

¹¹⁹ См.: Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 64–72.

¹²⁰ Илизаров С.С. Герард Фридрих Миллер. С. 23.

две страницы, из которых только одна посвящена непосредственно истории журналистики¹²¹. И самое главное: это сочинение Миллера не носило исследовательского характера.

Другим, уже сугубо научным изданием, были начавшие выходить в том же 1728 году на латинском языке «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*», где печатались труды петербургских академиков, обозначавшиеся как «диссертации» и «мемуары». Первый том этого издания был сразу же переведен на русский язык и вышел под названием «Краткое описание Комментариев». В него вошли и три сочинения Г.З. Байера по древней истории. С точки зрения формирования русского научного языка это издание имело не меньшее значение, чем «Примечания». Впоследствии, однако, «*Commentarii*» на русский язык уже не переводились и печатались только на латыни (до 1751 года). При этом по своей сути это был не журнал, а, согласно современной терминологии, скорее продолжающееся издание, ежегодник, являвшийся своего рода отчетом Академии наук о своей работе¹²².

Что же касается исторических публикаций в «Примечаниях», то они носили повествовательный характер и больше напоминали рассказ, чем статью в современном понимании этого слова, т. е. находились преимущественно в русле «риторической» традиции¹²³. Типично в этом отношении, например, начало сочинения «О самоедах», появившегося на страницах «Примечаний» в апреле 1732 года: «Самоеды есть такой народ, который живет, как известно, по обеим сторонам реки Оби...». Весьма заметные элементы подобной же подачи исторического материала можно обнаружить и у Г.З. Байера. Так, его небольшое сочинение «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», переведенное на русский язык И.К. Таубертом и вышедшее отдельным изданием в 1738 году, начиналось следующими словами:

Танаис, или Дон, находился у древних в числе знатнейших рек, отчасти для тогдашняго соседства с скифами, которых храбрость почти выше меры прославлена была, а отчасти от того, что за недовольным исследованием лежащих к северу и к югу земель, оную реку за крайнейшую к северу в знаемой части света почитать надлежало.

Далее автор в хронологической последовательности приводил все обнаруженные им в печатных источниках сведения об Азове и заканчивал тем, что «Азов, по силе вышепомянутого мирнаго заключения, возвращен был опять туркам». Книга Байера содержала некоторые формальные элементы научного труда, как, например, подстрочные ссылки на используемую литературу, однако автор никак не обозначал, почему он решил написать об истории Азова и какой она имеет научный или познавательный интерес. О его методе работы с историческими источниками свидетельствуют такие строки:

...Вице-адмирал российского флота Корнелий Крейц, которой по Дону часто ездил и объявленные мнения древних писателей довольно рассмотрел, может перед всеми за наивернейшаго свидетеля почтен быть¹²⁴.

Как известно, именно Байер посоветовал молодому Миллеру заняться русской историей. Первые строки миллеровской «Истории Сибири» внешне напоминают приведенное выше начало сочинения Байера: «Сибирь стала известна России, не говоря уже о других европейских

¹²¹ Миллер Г.Ф. Благоклонный читателю // Миллер Г.Ф. Избранные труды. С. 711–712.

¹²² См.: Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. С. 72–76.

¹²³ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. Т. 1. С. 55–56. О том, что эта традиция в России XVIII века была достаточно заметной, свидетельствует использование слова «история» в названиях целого ряда изданий этого времени, как, например, «История о разорении...», «История о славном рыцаре...», «История о невинном заточении...», «История о княжне...», «История, или описание жизни...», «История зверей, содержащая изображение их свойств» и т. д. (См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962. Т. 1. С. 409–414).

¹²⁴ Байер Г.З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова. СПб., 1738. С. 4, 7.

странах, не более 200 лет назад»¹²⁵. Однако этим словам было предпослано большое авторское предисловие, в котором после довольно подробного обзора источников по истории Сибири Миллер достаточно ясно и однозначно отмежеввался от «риторической» традиции «древних историков».

Их сочинение, – писал он, – приятно, потому что они приключения ведут одним порядком, не упоминая о свидетельствах, по которым они сочинение свое составляли. Но мое расположение есть полезнее, потому что я стараюсь предлагаемое мною утверждать везде доводами и рассуждаю об известиях и о сочинителях оных по правилам вероятности и якобы с читателем совокупно, которой здесь также рассуждать может и тому, что я пишу, просто верить не обязан¹²⁶.

По существу, это была новая для России (первый том «Истории Сибири» на русском языке появился в 1750 году) форма подачи исторического материала, а также декларация исследовательского метода, основанного на критическом анализе источников и последовательно продемонстрированного Миллером в его обширном труде. Так, к примеру, из 84 параграфов, на которые была разбита первая глава «Истории Сибири», по меньшей мере половина была посвящена не изложению каких-либо исторических фактов (согласно терминологии самого Миллера, «известий»), но разбору разного рода «свидетельств», значительная часть которых была историком отвергнута как недостоверные.

Возвращаясь к вопросу о становлении в России жанра научной статьи, можно утверждать, что своего рода вехой в этом процессе стала статья Миллера «О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оных», опубликованная в первом томе «Ежемесячных сочинений» 1755 года. Стоит при этом отметить, что данная статья – едва ли не единственная из его многочисленных трудов, напечатанных в «Ежемесячных сочинениях», которая до этого не была издана по-немецки в «Sammlung Russischer Geschichte», но появилась сперва на русском языке и лишь позднее была опубликована в журнале И.К. Готтшеда в Лейпциге¹²⁷. Скорее всего, и она первоначально была написана по-немецки, однако ко времени ее выхода в свет Миллер уже в совершенстве владел русским языком и, как свидетельствуют документы, тщательно выверял переводы своих сочинений, нередко дополняя и исправляя их по сравнению с немецким оригиналом.

Статья Миллера о русском летописании невелика по объему и в современном издании занимает лишь десять страниц печатного текста среднего книжного формата¹²⁸. Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что эту свою работу сам Миллер определяет как «исследование». Как видно из приведенной выше цитаты Байера, это слово было известно и его переводчику Тауберту, но у Байера под ним подразумевается не научное сочинение, а эмпирическое изучение определенного материального объекта, в данном случае, определенной местности. В «Словаре Академии Российской», который начал выходить в 1789 году, слова «исследование» нет вовсе. Современный «Словарь русского языка XVIII века» приводит лишь два примера его использования в значении «научное сочинение»: в названии книги, переведенной на русский язык А.Д. Кантемиром в начале 1740-х годов, и в публикации в «Санкт-Петербургском журнале» 1798 года¹²⁹. Статья же Миллера, напомним, вышла в 1755 году¹³⁰.

¹²⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. С. 169.

¹²⁶ Там же. С. 164.

¹²⁷ Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. С. 95.

¹²⁸ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. С. 5–14.

¹²⁹ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб., 1997. С. 145.

¹³⁰ Слово «исследование», судя по всему, получило распространение в первой трети XIX века. В статье Н.В. Гоголя 1832 года читаем: «Слово “исследование” весьма идет к его стилю; его повествование именно исследовательное». Это высказывание

Начинается она с небольшого введения, в котором автор определяет значение труда Нестора, отмечает его уникальность, говорит о необходимости издания Начальной русской летописи, а также «Истории» Татищева, после чего формулирует цель собственного «исследования»: «объявить о преподобном Несторе и о тех, кои летопись его продолжали». Сопоставляя далее тексты Киево-Печерского патерика, Четых миней и самой Начальной летописи, Миллер переходит к доказательству авторства Нестора. Следующий вопрос, которым он задается, – дата рождения летописца. Историк устанавливает ее опять же путем сравнения различных сведений самой Начальной летописи с житиями Феодосия и Антония Печерских. Затем Миллер ставит вопрос, оказавшийся впоследствии одним из ключевых в истории русского летописания, – «сколь долго Нестор жил и как далеко дошел в сочинении своей летописи». В поисках ответа на этот вопрос историк идет тем же путем, что и все последующие исследователи: он анализирует текст самой летописи и вступает в связи с этим в полемику с Татищевым – своим единственным предшественником. Наконец, заключительная часть статьи – это краткий обзор последующей после Нестора истории русского летописания вплоть до XVII века. Завершается она повторением призыва к изданию летописи Нестора, на сей раз уже на иностранных языках, «дабы тем скоряе... другие европейские народы... могли оным пользоваться и сим способом выти из той темноты, в которой они по сие время в разсуждении древней Российской истории находятся». Стоит отметить, что в тексте статьи имеются выделенные цитаты из привлеченных источников, причем некоторые из них вынесены в подстрочные примечания. При этом в самом начале статьи автор обозначает, что пользуется изданием Киево-Печерского патерика 1702 года, хотя лишь один раз называет страницу, на которой находится цитируемый им текст.

Статья Миллера «О первом летописателе Российском преподобном Несторе» была первой специальной работой, посвященной истории русского летописания и таким образом положившей начало одному из важнейших направлений отечественной историографии. Но по существу именно ее можно определить и как первую журнальную статью исследовательского характера по истории России на русском языке. При этом нетрудно заметить, что она содержит фактически все компоненты, ставшие впоследствии обязательными для этого жанра научной работы и, следовательно, можно утверждать, что ею был задан своего рода образец формата исследовательской статьи.

Совершенно очевидно, что обоснование проблемы и ее значимости, определение цели исследования в наше время являются обязательными компонентами не только научной статьи по истории, но и вообще всякого научного исследования. Однако современное историческое исследование, в том виде, как оно сложилось в отечественной традиции, имеет особый компонент, только для него носящий обязательный характер – обзор источников. Первая попытка подобного рода была сделана В.Н. Татищевым в его «Предъизвещении» к «Истории Российской». «Отец русской истории» перечисляет довольно значительное число различных, в основном нарративных источников – летописи, хронографы, Степенную книгу, свадебные разряды, жития святых, а также авторские сочинения А. Палицына, А. Курбского, А. Лызлова, С. Медведева, А.А. Матвеева и др. Упоминает он и «дипломатические» документы, скопированные им в архивах Казани, Астрахани и Сибири. Некоторым из источников Татищев дает краткие характеристики относительно степени их достоверности: «хотя многими баснями наполненная, однако ж много нужного», «кем сочинена, неизвестно, но многими баснями, и не весьма пристойными, наполнена». Порядок перечисления Татищевым использованных им источников выглядит следующим образом: 1) Повесть временных лет, 2) Хронограф, 3) «Синописис» И. Гизеля, 4) летописи, 5) «дипломатические» документы, 6) авторские сочинения, 7) свадебные

вполне подходит для характеристики Г.Ф. Миллера, но адресовано малоизвестному швейцарскому историку Иоганну Миллеру (1752–1809) (*Гоголь Н.В.* Шлёцер, Миллер и Гердер // *Гоголь Н.В.* Собр. соч. Т. VI. М., 1986. С. 89).

разряды, 8) агиографическая литература¹³¹. Этот перечень весьма далек от какой-либо систематизации источников, соотносимой с принятой в современном источниковедении.

Миллер, как уже упоминалось, также посвятил обзору источников несколько страниц своего предисловия к «Истории Сибири». Однако, упомянув в нем несколько раз о найденных в Сибири архивных документах и высоко оценив их значение, главное внимание историк уделил сибирским летописям, довольно подробно остановившись на характеристике различных списков. Спустя несколько лет после завершения работы над «Историей Сибири», в 1761 году Миллер продолжил «Историю Российскую» Татищева своим «Опытом новейших истории о России». Обзор источников в этом сочинении свидетельствует об определенной эволюции Миллера как ученого.

Основная часть «Опыта» – сочинения, носившего монографический характер, была опубликована по-немецки в четырех выпусках пятого тома «*Sammlung Russischer Geschichte*», а первая часть – в том же году в трех номерах «Ежемесячных сочинений»¹³². «Опыт» начинается пространным авторским обоснованием избранной темы. Миллер приводит два главных резона. Во-первых, он считал необходимым продолжить «Историю» Татищева «для приведения в некоторое совершенство вся Российской Истории». Во-вторых, это соображения о воспитательном значении истории:

Когда вся история должна из примеров показывать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки, то не токмо похвальные дела производят сие действие, но и рассказывание о порочных, безрассудных, дерзновенных, изменнических и безчеловечных делах в себе содержат толь много полезного, что еще казаться может сомнительным, имеют ли в том преимущество благополучнейшие и достохвальнейшие случаи, что касается до пользы в нравоучении и политике. Человеку сродно взирать на доброе дело... яко на обыкновенное, без великаго возторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается. Пускай порок примет вид добродетели, сколь долго может; время делает оной известным и мерским¹³³.

Покончив с общими рассуждениями, Миллер переходит к обзору источников, оговаривая при этом, что он посвящен только русским источникам, поскольку иностранные авторы,

выключая некоторых, совсем не знали Российского языка... слышали много несправедливо, худо разумели и неисправно рассуждали; и потому их известия могут токмо служить изъяснением, поелику оныя не уничтожатся исправнейшими Российскими известиями.

Обзор российских источников Миллер строит в следующей последовательности: 1) летописи, 2) хронографы, 3) Степенная книга, 4) «Летопись о многих мятежах», 5) «Ядро Российской истории» А.И. Манкиева, 6) родословные и разрядные книги, 7) «архивные письма», т. е. делопроизводственные документы. Каждому из этих видов источников историк дает краткую критическую характеристику, включающую его происхождение, сведения о разных списках и отличиях между ними с точки зрения характера и полноты информации. Так, например, характеризуя списки Степенной книги, Миллер отмечает, что большинство известных ему списков насчитывает 17 степеней, некоторые включают и 18-ю, т. е. правление царя Фёдора Иоанновича, а другие содержат и сведения более позднего времени, но «без числа степеней».

¹³¹ Татищев В.Н. История Российская. Ч. 1. М.; Л., 1962. С. 79–92.

¹³² Публикация «Опыта» на русском языке была прервана в результате доноса М.В. Ломоносова, утверждавшего, что «Миллер пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годуновы и Растригины, самую мрачную часть российской истории, из чего чужестранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе». Подробнее см.: Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера. С. 389–391.

¹³³ Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Миллер Г.Ф. Избранные труды. С. 158–159.

Поскольку основной объем информации в Степенной книге связан с церковными делами, а «о светских делах иное пропускали», историк делает вывод о составлении книги представителями церкви. Говоря о разрядных книгах, Миллер впервые в историографии определяет их назначение как местнических справочников, а заодно дает характеристику самому местничеству как важнейшему социальному институту и рассказывает о его отмене, сопровождавшейся уничтожением разрядных книг. Что же касается «архивных писем», то автор «Опыта» поясняет, что речь идет о документах, найденных им в местных сибирских архивах и в первую очередь в архиве Чердыни.

Есть ли кому странно покажется, – объясняет Миллер, – что такие письма находились в толь отдаленных местах, то надобно знать, что в оныя времена... все государство в безпрестанном было движении. Царские указы разсылались о всем том, что в Москве происходило, во все города, и начальники в городах уведомляли один другого о новополученных известиях.

Далее Миллер выражал надежду на то, что еще более ценные документы будут найдены в московских архивах, и признавался, что именно обнаружение этих документов в архивах Сибири побудило его к написанию «Опыта»¹³⁴. Стоит заметить, что Миллер в это время, по-видимому, еще не знал о московском пожаре 1626 года, уничтожившем значительную часть документов Смутного времени, что впоследствии дало повод известному русскому археографу П.М. Строеву патетически воскликнуть:

Что бы было с временами Лже-Дмитриев и смутного правления бояр в Междоцарствии... если б Миллер, один Миллер, не восстановил их актами, кои он открыл в пыли городских архивов Сибири¹³⁵.

Присмотревшись к обзору источников в «Опыте» Миллера, нетрудно заметить, что по составу и построению он очень близок к принятой в современной науке классификации письменных источников по истории России XVI–XVII веков. Единственная «ошибка», с этой точки зрения, – это помещение Миллером между «Летописью о многих мятежах» и разрядными книгами авторского сочинения Манкиева. Однако и тут прослеживается определенная логика: и «Летопись», и «Ядро Российской истории» историк рассматривает как нарративные источники, по своему авторскому характеру примыкающие к летописям, хронографам и Степенной книге и отличающиеся от вышедших из стен государственных учреждений родословных и разрядных книг, а также делопроизводственных документов.

Статья о летописании и «Опыт» были далеко не единственными работами Миллера, опубликованными в «Ежемесячных сочинениях» в течение десяти лет существования этого периодического издания. Как уже говорилось, журнал сыграл существенную роль в развитии русской журналистики. По словам Евгения Болховитинова, «вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник»¹³⁶. На протяжении второй половины XVIII – начала XIX века журнал дважды переиздавался. Влияние публикаций в этом журнале, а также многочисленных сочинений Миллера, написанных в московский период его жизни (1765–1783), исследователи обнаруживают в творчестве таких деятелей русской культуры, как Я.Б. Княжнин, А.Н. Радищев, Н.И. Новиков и др. Но несомненно, что они оказали влияние и на историков следующего поколения. «Скрытые цитаты» из трудов Миллера можно обнаружить не только у Н.М. Карамзина, но даже у жившего много позже В.О. Ключевского. Гораздо сложнее определить влияние этих трудов на становление научных жанров русской исторической науки, закрепление форм представления и распространения результатов исторических исследова-

¹³⁴ Там же. С. 159–163.

¹³⁵ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 69.

¹³⁶ Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей соотечественников и чужестранцев... Т. II. С. 67.

дований. Однако можно утверждать, что к уже признанным заслугам Миллера перед русской исторической наукой можно добавить и его вклад в профессионализацию в России самого, по выражению М. Блока, «ремесла историка», превращение истории из литературы в науку и формирование научной среды, в которой «известия» о прошлом из познавательного и назидательного рассказа постепенно превращались в предмет научного исследования и обсуждения.

Л.П. Репина Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории в России

Нет науки, более враждебной всякому догматизму, чем история...
Т.Н. Грановский

Только всеобщая история сообщает нам знание связи событий...
Н.И. Кареев

Траектория творческой жизни ученого – на разных ее отрезках – возвращает исследователя и вслед за ним читателей к необходимости последовательного сопоставления результатов его деятельности в разных интеллектуальных контекстах, включая предшествующее этой деятельности состояние науки: *современность* – с позиции героя биографии, *актуальность* – с точки зрения самого биографа, а также видение им *перспектив* дальнейшего развития науки. В контексте же изучения интеллектуальных традиций на первый план выходит проблема глубины исторической ретроспективы (как она видится из той точки на темпоральной шкале, которая принимается за настоящее) и определения границ находящегося в процессе становления научного направления/области знаний/дисциплины. Очень существенной здесь оказывается специфика восприятия предшественников или же целенаправленного поиска «отцов-основателей», «благородных предков» (с солидным «символическим капиталом»), который завершается построением желаемой интеллектуальной генеалогии. Изучая какой-либо период в истории науки (как и при осмыслении ее настоящего), важно знать не только ее текущее состояние, но и как в то время оценивалось то, что было сделано предшественниками, как было ими конфигурировано искомое исследовательское пространство и как виделась их персональная иерархия в динамическом плане¹³⁷. Как выразился Рэндалл Коллинз,

интуитивное понимание того, как следует относиться к области интеллектуальных изысканий, является самой важной единицей культурного капитала, который индивиды получают от своих учителей. Это одна из причин, почему выдающиеся интеллектуалы *связаны цепочками сквозь поколения* (курсив мой. – Л.Р.)¹³⁸.

* * *

В России идея всеобщей истории – довольно позднее приобретение. Само ее распространение было напрямую связано с мучительными поисками ответа на вопрос об исторических судьбах человечества как целого и России – как его части.

Понятие всеобщей истории в российской интеллектуальной традиции претерпело значительные трансформации в течение последних двух столетий. С самого введения этого термина он имел различные значения. Главные изменения произошли в их соотношении, и динамика этих изменений совпадает с важнейшими моментами в долгом процессе российской модерни-

---

¹³⁷ Подробнее об этом см.: Диалог со временем: историки в меняющемся мире / Л.П. Репина (ред.). М., 1996; Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / Л.П. Репина (ред.). М., 2005. С. 55–74. В этой связи будет уместно также напомнить: «Глубокое непонимание существа истории кроется за убеждением, что развитие историографии представляет собой своего рода интегральный процесс, в котором что-то раз и навсегда устанавливается и последующие историки возводят новые этажи на уже построенных» (Карсавин Л.П. Философия истории. Пг.; М., 1922. С. 254).

¹³⁸ Коллинз Р. Социология философии. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 82.

зации с ее тремя фазами, хронологически маркированными первой половиной XIX столетия, концом XIX – началом XX века, концом 1990-х – началом 2000-х годов. Стоит сразу заметить, что в эти исторические периоды идея всеобщей истории имела особое значение для российских интеллектуалов (как в сфере профессиональной историографии, так и в ходе острых общественных дискуссий о прошлом и будущем России). И здесь необходимо сказать хотя бы несколько слов по поводу контекста и двух противостоящих сторон этой идейной полемики.

Для российской общественно-политической мысли рубежа XVIII–XIX веков было характерно понимание просвещения как могущественной силы социального преобразования, а тесные культурные и интеллектуальные связи между Россией и Западной Европой оценивались весьма высоко. Но модернизация и европеизация российских элит в течение последней четверти XVIII и первой трети XIX столетия породили последующую негативную реакцию – враждебность как к самой модернизации, так и к западной культуре. Эта тенденция воплотилась в официальной идеологии, а затем в славянофильском интеллектуальном движении. В государственной культурной политике центральное место занимала идея национальной самобытности. В середине 1830-х годов была окончательно сформулирована так называемая теория официальной народности. Принципы «православия, самодержавия и народности» широко пропагандировались в учебниках, лекциях, популярных брошюрах. В этой атмосфере философское осмысление исторического пути России (с такими главными темами, как культурные и интеллектуальные связи России и Запада и оценка западноевропейского общественно-политического строя) заняло центральное место не только в трудах и лекциях ведущих общественных и государственных деятелей, ученых и публицистов, но и в жарких дебатах в столичных литературных салонах.

Понятие всеобщей истории было центральным для так называемой западнической идеологии. В 1840-е годы многие российские ученые, студенты университетов и более широкая образованная публика проявляли огромный интерес к истории западноевропейских стран, которые уже испытали процесс модернизации и формирования современных общественных и политических институтов. Большинство западников были сторонниками конституционной монархии. Они связывали социальные реформы с заимствованием западноевропейских достижений. Веря в «уроки истории», они пытались отобрать наиболее ценные явления западного исторического опыта и применить их к российскому настоящему и будущему. Но историософские концепции большинства оригинальных мыслителей этой ориентации не укладывались в прокрустово ложе довольно схематически обозначенных общих черт западнической идеологии. И в первую очередь это относится к Тимофею Николаевичу Грановскому, который был настоящим лидером западнического интеллектуального движения и главным пропагандистом идеи всеобщей истории в 1840-е и до середины 1850-х годов.

* * *

Т.Н. Грановский родился 9 марта 1813 года. В 1832–1835 годах он был студентом юридического факультета Петербургского университета, а с 1836 по 1839-й – учился в университетах Берлина, Праги и Вены и посещал лекции Леопольда фон Ранке, Фридриха фон Савиньи, Карла Вердера, Карла Риттера, Эдуарда Ганса.

Вернувшись в Россию в 1839 году, Грановский начал читать лекции на кафедре всеобщей истории¹³⁹, которая была открыта в Московском университете. Очень скоро Грановский занял исключительное место среди преподавателей университета, стал лидером так называемой «молодой профессуры» и московского кружка западников. Социальная активность и острый интерес Грановского к проблемам современности вовсе не противоречили его идеальному

---

¹³⁹ Его первая лекция состоялась 17 сентября 1839 года.

образу Истории как науки. Отстаивая научные принципы исторического познания, он был так же твердо убежден в том, что:

история по самому содержанию своему должна более других наук принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошедшее иначе, как с точки зрения настоящего¹⁴⁰.

Курсы, которые Грановский читал в университете и в форме публичных лекций, были посвящены прежде всего истории западноевропейского Средневековья¹⁴¹, но также истории Древнего Рима, сравнительной истории Англии и Франции, выдающимся историческим личностям и т. д. Незадолго до своей безвременной кончины 4 октября 1855 года Т.Н. Грановский был избран деканом историко-филологического факультета Московского университета, и ему было поручено министерством просвещения написать учебник по всеобщей истории. Но у него хватило времени только на две первые главы, в которых он дал яркие характеристики народов и эпох всеобщей истории и очертил главное направление исторического развития¹⁴².

Философское понимание всеобщей истории у Грановского отчасти связано с Гегелем, работами которого он всерьез заинтересовался еще в годы учебы, а позднее в течение всей своей жизни критически переосмысливал ключевые идеи гегелевской философии истории с ее видением конечной цели развития в субъективной свободе человека как индивида и как универсального существа¹⁴³.

Но понимание Грановским всеобщей истории не совпадало с гегелевским понятием «Всеобщей Истории» (как первым типом «Рефлексивной Истории»), которая стремится обобщить всю историю какого-либо народа или даже мира и склонна к абстрактным обобщениям. Идея всеобщей истории Грановского имела более широкую перспективу и очевидные соответствия с гегелевским идеалом «Философской Истории» и «Философского Историка». Перед историком стоит задача постижения поступательного движения в направлении к конечной свободе, он должен достичь истинного понимания Всеобщего, которое может быть осуществлено только через осознание того, что история является рациональным процессом, управляемым универсальными законами. Как утверждал позднее П.Г. Виноградов, Т.Н. Грановский

признал, что существует некоторое общее движение в отличие от всех частных, признал, что показателем этого движения служит прогрессивная выработка идей, признал, что каждый шаг вперед отправляется от предшествовавшего, признал, что в жизни народной это равносильно усвоению чужеземной культуры вступающим на смену народом. Практические приложения к России были очевидны. Необходимо было сделать западную цивилизацию своею, чтоб одолеть ее и пойти дальше¹⁴⁴.

Но это еще не все. Грановский был слишком историком,

---

¹⁴⁰ Грановский Т.Н. Сочинения: в 2 т. 3-е изд. М., 1892. Т. 2. С. 211.

¹⁴¹ Лекции Т.Н. Грановского по истории Средневековья были изданы посмертно по записям слушателей лишь в 1961 году. См.: Лекции Т.Н. Грановского по истории Средневековья (Авторский конспект и записи слушателей) / Предисловие, подготовка текста и примечания С.А. Асиновской. М., 1961; Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья / С.А. Асиновская (сост.). М., 1987 (Серия «Памятники исторической мысли»).

¹⁴² См.: Грановский Т.Н. Учебник всеобщей истории. Введение // Грановский Т.Н. Сочинения. 3-е изд. Т. 2. С. 452–464.

¹⁴³ В 1837 году Грановский писал (в письме к одному из университетских друзей) о том, что существуют вопросы, на которые ни один человек не в состоянии дать ответ, и Гегель также не решает подобные проблемы, но все то, что ныне доступно человеческому пониманию, и само это знание он прекрасно объясняет (Григорьев В.В. Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. Кн. 4. С. 12).

¹⁴⁴ Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский (Публичная лекция, читанная 11 февраля 1893 года в пользу комитета грамотности) // Русская мысль. 1893. Кн. 4. С. 65. Действительно, признавая эти основные принципы всеобщей истории, Грановский «не мог не быть западником» (там же).

чтобы остаться вполне во власти философа, распорядившегося историческим материалом по своему произволению... Главное, и по натуре, и по подготовке Грановский не мог принести жизненность конкретных фактов в жертву отвлеченному философскому плану. Он видел прошедшее слишком ясно, чтобы не заметить, что оно гораздо богаче содержанием, чем допускала диалектическая схема Гегеля¹⁴⁵.

Это богатство содержания минувшего создавало трудности, если не в определении предмета всеобщей истории, то в отборе материала, подлежащего изучению, в том числе данных других наук:

Можно без преувеличения сказать, что нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав всеобщей Истории, имеющей передать все видоизменения и влияния, каким подвергалась земная жизнь человечества¹⁴⁶.

Но при этом всеобщая история не превращается в арифметическую сумму частных, локальных и национальных историй. Принцип отбора материала для всеобщей истории должен был, в соответствии с концепцией Грановского, состоять в вычленении «общего, существенного» в процессе развития человечества – развития, общего для всех народов.

Профессиональное понимание всеобщей истории у Грановского восходит к концепции Леопольда фон Ранке, который считал, что

наука всеобщей истории (здесь и далее курсив мой. – Л.Р.) отличается от специального исследования тем, что, изучая особенное, универсальная история никогда не забывает о целом, которым она занимается. Исследование особенного, даже единичного, ценно, если оно хорошо сделано. Будучи обращено к человеку, оно всегда обнаруживает нечто, что стоит знать. Оно поучительно, даже когда касается мелочей, поскольку человеческое всегда достойно познания. Но изучение особенного непременно устанавливает связь с более широким контекстом. Локальная история соотносится с историей страны; биография – с каким-то более масштабным событием в жизни государства и церкви, с какой-либо эпохой национальной или общей истории. Но все эти эпохи сами... являются частью того великого целого, которое мы называем *универсальной историей*. Чем шире горизонт исследования, тем, соответственно, выше его ценность. Конечной целью, все еще недостигнутой, остается постижение и написание истории человечества¹⁴⁷.

Эта цель – коллективная идентичность высшего порядка, опирающаяся на идею единой судьбы человечества и преемственности всемирно-исторического развития от эпохи к эпохе¹⁴⁸.

---

¹⁴⁵ Там же. С. 52.

¹⁴⁶ Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории // Сочинения. 3-е изд. Т. 1. С. 9.

¹⁴⁷ Ranke L. [von]. The Role of the Particular and the General in the Study of Universal History (A Manuscript of the 1860s) // The Theory and Practice of History: Leopold von Ranke / G.G. Iggers, K. von Moltke (eds.). Indianapolis; N. Y., 1973. P. 58.

¹⁴⁸ Примечательно, что этот пассаж из неопубликованной рукописи Ранке почти в тех же выражениях повторяет Эдуард Мейер в своей известной работе «Теоретические и методологические вопросы истории»: «...Считать единицей историю нации и из ее судеб выводить нормы исторической эволюции – совершенно ошибочно. Никакой замкнутой в себе национальной истории вообще нет: все народы, вступившие между собою в продолжительное политическое и культурное единение, представляют для истории единство, до тех пор, пока связь их не нарушится ходом исторической эволюции, и, в конце концов, истории отдельных народов, государств, наций являются лишь частями единой, всеобщей истории; хотя их и можно рассматривать отдельно, но никогда нельзя изучать совершенно изолированно, без связи с целым. Основой и высшей целью исторического исследования и всякой, даже направленной на частности, исторической работы – может быть только *всеобщая история*» (Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования. 2-е изд., испр. М., 1911. С. 46).

В этом, собственно, и состоит классическое понимание сверхзадачи всеобщей истории, разделяемое ведущими представителями новоевропейской историографии.

Т.Н. Грановский заложил в традицию российской профессиональной историографии четко выраженную линию истолкования специфики всемирной истории как всеобъемлющей и взаимосвязанной. Вслед за Ранке с его поиском «общей связи вещей», он определял ее следующим образом:

Всемирная история имеет дело с событиями *в их связи между собой* (курсив мой. – Л.Р.). Она есть эмпирическая история, занимающаяся всеми народами, населяющими землю...¹⁴⁹

Т.Н. Грановского часто называют «первым российским медиевистом». Действительно, главным предметом его собственных исследований была история Западной Европы в Средние века. Однако его ученая эрудиция далеко превосходила эти хронологические и географические границы: она охватывала древнюю и новую историю Западной Европы, а также историю России, знание которой предоставляло необходимый ресурс для его сравнительных очерков¹⁵⁰. Например, будучи убежден в универсальном характере исторического процесса и стремясь противодействовать официальной пропаганде незыблемости крепостнического строя, Грановский подчеркивал его исторический, преходящий характер. В своем лекционном курсе по средневековой истории в 1848/49 году он призывал искать ключ к труднообъяснимым, «загадочным явлениям» российской истории в «великих вопросах» западноевропейской истории:

Более, нежели когда-нибудь, история имеет право на внимание в настоящее время, ввиду великих вопросов, решаемых западными обществами, человеку с мыслящим умом и благородным сердцем нельзя не принимать участия в судьбе человечества, нельзя не оглянуться назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели и смотрим с удивлением¹⁵¹.

Грановский верил в то, что его эпоха открывает новую перспективу для русского народа, прежде отстраненного от общего развития европейских народов. В лекциях 1848/49 года он говорил:

Здесь нам, русским, открывается великое и прекрасное поле: устранные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устранные от этого движения, мы стоим на пороге Европы, наблюдателями [движения], и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит *собственно русское воззрение на историю* (курсив мой. – Л.Р.). Это, впрочем, не значит, чтобы мы смотрели на историю Запада с исключительной мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать. Западный человек брошен в различные партии и потому не может быть наблюдателем той драмы, в которой сам принимает участие; он ищет в прошедшем оправдание своей мысли, и на

---

¹⁴⁹ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1961. С. 47.

¹⁵⁰ Именно потребностью в сравнительной точке зрения, которая «может быть приобретена лишь основательным знакомством, кроме истории отечественной, с прочими частями всеобщей истории человечества», определял П.Н. Кудрявцев «известную степень зрелости сознания» (см.: Кудрявцев П. Известие о литературных трудах Грановского // Грановский Т.Н. Сочинения. 3-е изд. Т. 1. С. VI–VII).

¹⁵¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 239.

настоящие моменты ему некогда обратить внимание. Итак, нетрудно понять, до какой степени выгоднее наше положение...¹⁵²

Понимание истории у Грановского было абсолютно лишено националистических и расистских предрассудков. В противовес гегелевскому противопоставлению «исторических» и «неисторических» народов, российский классик всеобщей истории подчеркивал, что история любого народа (включая не-европейские народы) заслуживает изучения. Каждый народ «самобытен и входит в историю как новое творение»¹⁵³. Развивая эту идею, он писал: «Тот не историк, кто неспособен перенести в прошедшее живого чувства любви к ближнему и узнать брата в отдаленном от нас веками иноплеменнике»¹⁵⁴. Он также утверждал, что в непрерывной преемственности всеобщей истории происходит постоянная смена ее «лидеров», т. е. тех народов, которым их предшествующие достижения дали возможность ввести новый принцип в общую историческую жизнь. Сегодня мы, наверное, могли бы образно сравнить такой процесс с передачей исторической эстафеты. И, вместе с тем, в способности постичь этот новый принцип Т.Н. Грановский видел необходимое условие «удержания» так называемых «старых, стареющих народов» в историческом процессе. Проводя эти идеи в своих лекционных курсах, Грановский в то же время был далек от схематизации, присущей многим другим последователям гегелевской философии истории.

Во вводной лекции по истории историографии в сентябре 1848 года Грановский дал странное изложение своего понимания различия между частной (локальной или национальной) историей, с одной стороны, и универсальной, или всеобщей историей, с другой. Заметив, что концепция всеобщей истории не могла бы сложиться в отсутствие какого-либо представления о человеческой цивилизации, он обнаружил корни этой концепции в христианстве, но связал ее реализацию с современной ему философией истории. Грановский, в частности, указывал:

Занимаясь историей народов древнего Востока, вы легко поймете, почему на Востоке не могла созреть мысль о всеобщей истории; она могла развиваться только при высшем сознании личности всего человечества (в *среде, уразумевшей свое прошедшее* [выделено мной. – Л.Р.])... Только на рубеже истории Востока является исторический памятник, в исследование которого надобно углубиться, – это св. Библия... Но настоящая классическая почва истории – Европа. История есть растение, растущее не на всякой почве и не при всяких условиях. Даже греческая историография, несмотря на всю ее художественность и изящность в рассказе, не сходит со степени истории национальной... гордое отличие между эллином и варваром мешало развитию идеи всеобщей истории; и мог ли ее понять грек при таком отчуждении своего народа от всего человечества... Только с введением христианства могла возникнуть всеобщая история; первые слова христианства показали новый идеал истории. И. Хр. сказал удивленному древнему миру, что все люди суть сыны божии, что все они братья, что перед богом нет ни эллина, ни варвара! Итак, в христианстве лежит идея о всеобщей истории, тогда только она сделалась возможной; но между возможностью и осуществлением желаемой идеи проходят столетия. В наше время всякому историку понятна цель науки, всякий сознает ее идеал, но нет еще произведения, где бы эта идея осуществилась, и долго еще пройдет, пока цель, высказанная Диодором

---

¹⁵² Там же. С. 240–241.

¹⁵³ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1961. С. 47.

¹⁵⁴ Грановский Т.Н. Сочинения. 4-е изд. М., 1900. С. 29.

Сицилийским, – *всеобщая история должна быть рассказана как история одного человека* (выделено мной. – Л.Р.) – осуществится...¹⁵⁵

Для Грановского «идея цивилизации вступила в область истории» в XVIII столетии, но «философия XVIII века была материальная, и потому ее влияние на историю имело вредное последствие», а две возникшие формы – история всемирная и *Kulturgeschichte* «не шли по должному направлению». При этом

всемирную историю не должно смешивать с всеобщей историей. Первая, т. е. всемирная, история требует количества фактов; чем больше фактов, чем больше народов входят в ее состав, тем цель ее лучше достигнута; вторая, т. е. всеобщая, обращает главное внимание на качество фактов, и потому она не без разбора их принимает. Конечно, это воззрение на историю всемирную имело в себе что-то гуманное; оно давало равную цену истории <мелких африканских племен> и истории римлян; но нельзя не видеть в этих понятиях об истории чего-то близорукого, обличающего совершенное непонимание истории! ... Направление эмпирическое, выразившееся под формой всемирной истории, *ложно в том отношении, что оно совершенно оставляет в стороне человека; оно довольствуется одними фактами и забывает развитие рода человеческого, что должно составлять сущность истории* (выделено мной. – Л.Р.)¹⁵⁶.

Всеобщая история, по Грановскому, немыслима вне человека, «в стороне» от него и представляет собой, по сути, *биографию человечества*.

В своем кратком историографическом очерке Грановский не упомянул двух мыслителей – классиков всеобщей истории начала Нового времени, высказывавших нечуждые ему идеи. Прежде всего, это Жан Боден (1530–1596), который, постулируя необходимость рассмотрения человеческой истории как единого целого, видел предмет всеобщей истории в исследовании исторического движения человеческих сообществ, социальных групп и государств¹⁵⁷. Если обратиться к классике истории исторической мысли, какой она видится из дня сегодняшнего, то, пожалуй, наше внимание привлечет и сходство идеи всеобщей истории Грановского с воззрениями Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), который настаивал на внутреннем единстве, содержательной целостности и завершенности каждой из исторических эпох и резко противопоставлял свое понимание «всеобщей истории» традиционным «всемирным историям», называя последние «беспорядочной мешаниной» событий и сообщений. Бэкон мыслил всеобщую историю не как механический свод частных историй, а как их синтез на основе того общего, что характеризует движение истории в различных ареалах, того «духа», который составлял специфику определенной эпохи всеобщей истории¹⁵⁸.

Грановский высоко ценил исторические воззрения других классиков – Джамбаттиста Вико (1668–1744) и Иоганна Гердера (1744–1803) – и органическую концепцию общественного развития. Он считал, что сама по себе «глубоко верная и справедливая мысль» о том, что «нужно смотреть на каждое время с его точки зрения, устранив современные взгляды и предубеждения и перенесясь в положение данной эпохи», была неправильно понята и значительно искажена, «особенно, может быть в Германии». В чем же именно, по его мнению, ошибалась «большая часть историков»? При взгляде на прошедшее как на нечто «отрезанное» от

¹⁵⁵ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 300–302.

¹⁵⁶ Там же. С. 307–309.

¹⁵⁷ «Что касается человеческой истории, то она бывает общей и частной... Общая история описывает деяния сообществ многих людей, или народов, или целых государств» (Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 22).

¹⁵⁸ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 162.

настоящего, а на человека как на всецело определявшегося политическим положением, складом идей и т. д.,

в формах определений заслоняется самая сущность, т. е. сам человек, и, таким образом, выпускаются из виду исторические деятели, люди, чьи действия постоянно изменяются вследствие перемены идей... так что весь прогресс истории заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель бытия его яснее и определеннее. Только сказав это, можем мы достигнуть до истинного понимания истории... Нет сомнения, что последние 60 лет европейской истории более поясняют древнюю историю, нежели все исследования филологов, устранившихся от влияния современной жизни, и каждый момент современности, понятый человеком с историческим смыслом, имеет влияние на понимание древней жизни человечества, ибо история есть *нечто живое, связанное, органическое* (выделено мной. – Л.Р.)¹⁵⁹.

Грановский весьма критично оценивал концепцию систематической всемирной истории Шлёцера, который считал, что в одинаковых обстоятельствах люди всегда действуют одинаково¹⁶⁰.

Указав на определяющее позитивное влияние Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и немецкой рациональной философии в целом на исторические идеи его времени¹⁶¹, Грановский, утверждал, что «всеобщая история должна иметь предметом развитие *духа* (выделено мной. – Л.Р.) рода человеческого». Речь, таким образом, может идти о *духовной биографии человечества*. При этом нельзя «довольствоваться одним сухим исчислением приобретений духа человеческого, не всегда вполне выражающих степень его развития»¹⁶². И далее: «...В область истории должны входить факты, имевшие влияние на развитие рода человеческого... В наше время важными для истории фактами называют те, которые служат выражением духовного состояния человека, или его изменения, или развития, или, наконец, его косности»¹⁶³. «Во всеобщую историю можно внести те факты, в которых выразилось сознание, которые характеризуют духовную жизнь, духовное движение народа»¹⁶⁴. Итак, предмет всеобщей истории должен включать *развитие сознания, опыт духовной жизни человечества*¹⁶⁵.

Т.Н. Грановский был совершенно убежден в практическом значении истории, которая «помогает угадывать под оболочкой современных событий аналогии с прошедшим и постигать смысл современных явлений»¹⁶⁶. Эта практическая сторона научного исторического знания была ярко выражена российским классиком всеобщей истории в черновом наброске лекции на

¹⁵⁹ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 239–240.

¹⁶⁰ Развернутый анализ шлёцеровских *Universalhistorie* (1772) и *Weltgeschichte* (1785) см.: Zbinden J. Heterogeneity, Irony, Ambivalence. The Idea of Progress in the Universal Histories and the Histories of Mankind in the German Enlightenment // Rivista internazionale di storia della storiografia. 1996. No. 29. P. 28–33. Возможно, именно отход Шлёцера от идеи универсальной истории в его *Weltgeschichte*, наряду с его подверженностью влиянию «материальной философии» (Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 309), вызвал скептическое отношение Грановского.

¹⁶¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 311–312.

¹⁶² Там же. С. 313.

¹⁶³ Там же. С. 314.

¹⁶⁴ Там же. «У истории две стороны, – утверждал Грановский, – одной является нам свободное творчество духа человеческого, в другой – независимые от него данные природою условия его деятельности» (Грановский Т.Н. Сочинения. 3-е изд. Т. 1. С. 22).

¹⁶⁵ Грановский привлек внимание к тому факту, что в своем развитии в течение многих тысячелетий, «род человеческий» приобрел «массу истин» и «человек в каждом веке побеждает и разрушает какой-нибудь предрассудок». Примечательно замечание, сделанное Грановским в письме к Н.В. Станкевичу от 4 марта 1840 года по поводу прочитанной им в тот день лекции о Григории VII: «Доволен собою – мне особенно хотелось показать ничтожество материальной силы при всей ее наглости в борьбе с идеями» (Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. С. 386).

¹⁶⁶ Т.Н. Грановский и его переписка. С. 313.

животрепещущую тему о переходных эпохах в истории человечества (лето 1849 года). В ней Грановский, намекая на революционные события 1848 года, в частности на июньские дни в Париже, подчеркивал:

Русской науке, свидетельнице страшной для западного общества години, дана скорбная возможность поверять свои еще не ясные теории мучительными опытами, которые совершают над собой западные л[атино]-герм[анские] народы. Никогда призвание русского историка не было так важно, как в настоящую минуту. Вековые основы западных обществ поколебались; из страны, которая прежде всех других сняла с себя определения феодального государства, поднялся и долетел до нас страшный клич *saue qui peut*. Ринутым в отчаянную борьбу страстными умам старой Европы теперь не до науки. Им некогда сверять прошлое с настоящим, они предоставили это дело нам, младшим братьям европейской семьи, не причастным [к] раздору старших. Подвиг трудный, которого *результатом должно быть не одно удовлетворение ученого любопытства, а полное, имеющее определить жизнь, уразумение истории и ее законов...* (выделено мной. – Л.Р.)¹⁶⁷.

Детали жизненного пути Т.Н. Грановского отражены как в многочисленных записках и воспоминаниях современников, так и в научной и научно-популярной литературе. Педагогическая и общественно-просветительская деятельность Грановского описана практически во всех посвященных его творческой биографии работах¹⁶⁸. Но созданный самим Грановским в статье «Бартольд Георг Нибур» (1850) яркий образ столь ценимого им великого историка позволяет увидеть позитивный идеал такого рода деятельности глазами самого автора и соотнести его с тем, что нам известно из воспоминаний его учеников и коллег.

При чтении своих лекций, – писал Грановский, – Нибур не довольствовался передачей одних результатов. Он вводил своих слушателей во все подробности трудного, глубокомысленного исследования. Восстановление Римской истории совершалось перед их глазами, можно сказать, при их содействии. Ученая и мыслящая аудитория, в свою очередь, благотворно действовала на преподавателя. Он доверчиво подвергал ее приговору участь своих смелых предположений. Между ним и ею образовалась живая связь обоюдного влияния, постоянный, богатый результатами обмен идей. Каждая лекция входила новым и важным фактом в историю науки¹⁶⁹.

В своем отклике на изданные в 1847–1851 годы лекции Нибура Грановский, конечно, не предвидя почти полного повторения ситуации в судьбе своего собственного творческого наследия, писал, поражая точностью суждений:

Разобрать по частям творение, изданное так долго после смерти великого историка, указывая на ощутительные недосмотры и даже ошибки – дело бесполезное и притом нетрудное. Почти целая четверть века прошла с того времени, когда лекции были записаны слушателями Нибура. С тех пор многое изменилось в науке, по крайней мере относительно частностей; нередко сам преподаватель увлекался своею творческою фантазией, т. е. избытком того качества, без которого невозможен великий историк. Мы не скрывали этих увлечений. Не все приговоры Нибура справедливы, не все мнения его

---

¹⁶⁷ Там же. С. 315–316.

¹⁶⁸ См., например: Каменский З.А. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988; Левандовский А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990 и др.

¹⁶⁹ Грановский Т.Н. Сочинения. 3-е изд. Т. 2. С. 36–37.

верны. Но можно смело сказать, что ни одна из его несправедливостей или погрешностей не исходит из незнания или недобросовестности. Он владел всем материалом науки и распоряжался им честно. В самых ошибках его есть нечто глубоко поучительное для всякого мыслящего писателя¹⁷⁰.

* * *

Влияние Грановского на все последующее развитие российской историографии всеобщей истории, основы которой он заложил, в XIX – начале XX века никогда не оспаривалось. Более того, он был возведен в ранг классика уже в середине XIX века, практически сразу же после ухода из жизни. Несколько позднее, завершая свой биографический очерк, посвященный Грановскому, А.В. Станкевич писал: «Пятнадцать лет занимал Грановский кафедру всеобщей истории в Московском университете. Несколько поколений испытали влияние его учения. Между учениками и слушателями Грановского образовались люди, имена которых приобрели известность на поприще русской науки...»¹⁷¹. Это были, в том числе, преемники Грановского по кафедре всеобщей истории П.Н. Кудрявцев (1816–1858) и С.В. Ешевский (1829–1865), а также С.М. Соловьёв (1820–1879), Б.Н. Чичерин (1828–1904) и многие другие. Грановский

своей деятельностью на кафедре положил начало серьезному изучению всеобщей истории в России... В России и до Грановского были ученые и более или менее даровитые преподаватели всеобщей истории, но никто из предшественников Грановского на кафедрах истории в России не обладал таким живым и цельным взглядом на науку, таким *органическим пониманием истории* (здесь и ниже курсив мой. – Л.Р.), таким талантом разгадывать смысл ее явлений и *представлять их в связи, в целом*, какими обладал Грановский...¹⁷².

Изучение всеобщей истории в России было достойно продолжено и существенно продвинуто вперед самым выдающимся учеником Грановского Владимиром Ивановичем Герье (1837–1919)¹⁷³, а также учениками последнего и крупнейшими учеными русской исторической школы пореформенного периода (Н.И. Кареевым, М.М. Ковалевским, И.В. Лучицким, П.Г. Виноградовым, М.С. Корелиным, С.Ф. Фортунатовым, Р.Ю. Виппером и др.), составившими золотой фонд отечественной историографической классики.

В.И. Герье, как и Т.Н. Грановский, подчеркивал, что всеобщая история имеет для русских особое значение, поскольку представители западных стран не в состоянии отделить универсальную историю от своей национальной, в то время как для русского всеобщая история – это история человеческой цивилизации¹⁷⁴. Характеризуя научный метод другого своего учителя, С.М. Соловьёва, Герье писал:

---

¹⁷⁰ Грановский Т.Н. Чтения Нибура о древней истории (1853–1856) // Грановский Т.Н. Сочинения. 3-е изд. Т. 2. С. 118.

¹⁷¹ Станкевич А. Тимофей Николаевич Грановский. (Биографический очерк). М., 1869. С. 302.

¹⁷² Там же. С. 303–304.

¹⁷³ Герье успел прослушать только несколько вступительных лекций Грановского, но всегда считал себя его учеником (см.: Герье В.И. Тимофей Николаевич Грановский: В память столетнего юбилея его рождения. М., 1914). Свою фундаментальную монографию о Лейбнице он предварил посвящением «Памяти Тимофея Николаевича Грановского», в котором счел необходимым этот шаг «оправдать», пояснив: «Я пользовался слишком короткое время преподаванием Грановского, чтобы иметь право причислять себя к его ученикам. Но такие люди, как Грановский, приобретают учеников не одним только преподаванием... Влияние людей, служивших всю жизнь идее, не прекращается с их смертью. Деятельность их становится преданием, память о них – нравственной силой...» (Герье В.И. Лейбниц и его век. М., 1868. С. I).

¹⁷⁴ В интерпретации В.И. Герье, историческая жизнь человечества «проявляется одновременно в нескольких областях: в культуре, к которой относятся наука и искусство, в политических учреждениях и в религиозных верованиях» (Герье В.И. Лекции по новой истории (Реформация), читанные в 1894–95 акад. году. М., 1894–1895. С. 3).

Историческое направление выразилось у Соловьёва не в одном органическом понимании Русской истории, не в том только, что жизнь Русского народа представляется им как единый, из себя развивающийся своей внутренней жизненной силой организм; жизнь этого народа тесно связана с жизнью других европейских народов. Судьба русского народа только часть другого великого организма, также единого и живущего общею жизнью своих частей – Европы, цивилизованного человечества. Сознание этой связи никогда не покидало С.М. Соловьёва в его исторических трудах. Чтоб поддерживать его в себе, он посвящал столько дорогого для него времени изучению литературы всеобщей истории; сознание этой связи побуждало его делать свои наблюдения над исторической жизнью народов. Таким способом он развил в себе ту широту и цельность взгляда, которые довершают научный характер его истории России...¹⁷⁵

Стремясь охватить «всю совокупность истории человечества, ее ход и ее цель»¹⁷⁶, не упуская из вида ее «самое конкретное явление» – отдельного человека¹⁷⁷ (и реализуя это стремление в своих многочисленных лекционных курсах практически по всем периодам всеобщей истории), настойчиво подчеркивая роль в истории субъективного элемента¹⁷⁸, В.И. Герье, пожалуй, еще больше акцентировал нравственные начала и воспитательный потенциал истории, которую он приравнивал к «*всенародной школе*»¹⁷⁹. В знании всемирной истории В.И. Герье видел необходимый элемент современной культуры и повторял вслед за Якобом Буркхардтом, которого считал «самым глубоким из историков ныне уже сошедшего со сцены поколения», его «увещание» о том, что «на образованном человеке лежит специальная обязанность воссоздать в себе возможно полную картину *непрерывного* мирового развития (*der Continuität der Weltentwicklung*), – в этом будет заключаться его отличие как сознательного существа от бессознательного варвара»¹⁸⁰. С нескрываемым восхищением он цитировал и «золотые слова, которыми Грановский формулировал свой взгляд на историю и на самого себя как историка и профессора»:

Современный нам историк еще не может отказаться от законной потребности нравственного влияния на своих читателей... Даже в настоящем, далеко не совершенном виде своем, всеобщая история, более чем всякая другая наука, развивает в нас верное чувство действительности и ту благородную терпимость, без которой нет истинной оценки людей¹⁸¹.

Герье отстаивал приоритет гуманистического начала в творчестве российских «всеобщников» середины XIX столетия. Он писал о Грановском и других «западниках» 1830–1850-х годов:

Это были *русские гуманисты*. Нет основания приурочивать этот термин исключительно к эпохе ренессанса... Обогащенный, облагороженный новыми

¹⁷⁵ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьёв. СПб., 1880. С. 25–26.

¹⁷⁶ Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915. С. I.

¹⁷⁷ Герье В.И. О. Конт и его значение в исторической науке // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. III (43). С. 460.

¹⁷⁸ «...Субъективный элемент будет всегда играть в ней [истории] важную роль, и при том не только тот, который вносится личностью историка, но тот, который обуславливается уровнем образования, нравственным состоянием, *складом ума целой эпохи* (курсив мой. – Л.Р.)» (Герье В.И. Очерк развития исторической науки // Русский вестник. 1865. № 10. С. 451).

¹⁷⁹ Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. С. II.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Цит. по: Герье В.И. Тимофей Николаевич Грановский... С. 72–73. Грановский продолжал: «Она [всеобщая история] показывает различие, существующее между вечными, безусловными началами нравственности и ограниченным пониманием этих начал в данный период времени...» (Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории. С. 26).

идеями XIX века гуманизм – продукт европейской общечеловеческой цивилизации – вот что пытались провести в наше общество русские гуманисты, так называемые западники сороковых годов! Не замену национального западным ставили они себе целью, а воспитание Русского общества на европейской универсальной культуре, чтобы поднять национальное развитие на степень общечеловеческого, дать ему мировое значение... К этому направлению, к западникам, к русским гуманистам, примкнул и Соловьёв. Его привлекал к ним прежде всего его научный интерес, а затем сознание, что научное их направление есть вместе с тем и наиболее национальное... Бессмертная заслуга Соловьёва заключается в том, что он внес это гуманное, культурное начало в Русскую историю и вместе с тем поставил разработку ее на строго научную почву¹⁸².

Несмотря на прошедшие более полутора столетий, многие оригинальные положения концепции всеобщей истории Т.Н. Грановского вызывают отнюдь не антикварный интерес, приобретая в современном интеллектуальном контексте особое звучание. В бурном для истории Европы 1848 году Грановский писал:

Несмотря на блестящие успехи, совершенные в течение нашего столетия историческими науками, никогда, быть может, практическая польза изучения истории не подвергалась таким сомнениям, как в настоящее время... Быстрая смена событий, число явлений, так неожиданно и резко изменивших характер европейских обществ, ввели в раздумье много мыслящих и положительных людей. Неразрешимую и грозной задачей стал перед ними вопрос о связи прошедшего с настоящим в эпоху ожесточенных нападков на историческое предание. Исполненные доверия к опытам собственной жизни, они усомнились в возможности извлечь пользу из вековых опытов целого человечества... А между тем весьма немногие события отмечены характером совершенно новых, небывалых явлений; для большей части существуют поучительные исторические аналогии. В способности схватывать эти аналогии, не останавливаясь на одном формальном сходстве, в умении узнавать под изменчивой оболочкой текущих происшествий сглаженные черты прошедшего, по нашему мнению, высший признак живого исторического чувства, которое в свою очередь есть высший плод науки¹⁸³.

Важно также отметить, что классическое наследие Т.Н. Грановского дважды актуализировалось именно в переломные эпохи жизни общества и в критические периоды развития исторического знания на рубежах XIX–XX и XX – XXI столетий.

В последнее время имя Грановского вновь привлекает к себе общее внимание. О нем читают лекции, пишут статьи; выходят даже целые книги, посвященные разбору его характера, деятельности и общественного значения. На днях изданное собрание его писем пришлось как нельзя более кстати этому пробуждению сочувствия, которое составляет отрадное явление на унылом поле русской литературы. Оно свидетельствует о некотором повороте общественной мысли, о стремлении выйти из господствующих в ней односторонних и крайних направлений, из мутного потока реалистической пропаганды, из необоснованных утверждений экономического материализма, а с другой стороны, из пошлого реакционного подбострастия, которое под

---

¹⁸² Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьёв. СПб., 1880. С. 12–14.

¹⁸³ Грановский Т.Н. Сочинения. 3-е изд. Т. 2. С. 267–268.

знаменем патриотизма возводит в идеал древнерусское холопство. Светлый образ Грановского, чуждого всякой односторонности, сумевшего соединять живое сочувствие к Западу и к его жизни с пламенной любовью к России и ясным сознанием ее потребностей, представляет гармоническое сочетание лучших сторон русской мысли и русского характера...¹⁸⁴

Эта столь актуально звучащая цитата принадлежит любимому ученику Т.Н. Грановского Б.Н. Чичерину и взята из его работы «Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского», написанной и опубликованной в далеком 1897 году, более века назад и почти через полстолетия после кончины Учителя. Прав оказался П.Н. Кудрявцев, подчеркнув в своем предисловии к изданию сочинений Т.Н. Грановского (1856), что «у Грановского долго не перестанут учиться живому пониманию науки...»¹⁸⁵.

* * *

Со второй половины XIX века интенсивное развитие исследований по истории Западной Европы в Средние века и Новое время происходило в контексте бурных пореформенных споров и активной научной, публицистической и педагогической деятельности учеников Герье – ведущих ученых либеральной политической ориентации. Историки русской исторической школы, чье формирование прошло под влиянием позитивизма, считали Россию неотъемлемой частью европейской цивилизации, а их исторические штудии стимулировались современными общественными дискуссиями вокруг перспектив российской модернизации и попыток найти решение насущных российских проблем через постижение европейского исторического опыта.

Хорошо известно, что в советский период общественно-политические взгляды представителей русской исторической школы нередко получали тенденциозные оценки. Например, не раз говорилось о том, что они мечтали автоматически перенести все явления западного капитализма на российскую почву, не очень заботясь о самобытности своего народа¹⁸⁶. А между тем это утверждение несправедливо. Классики отечественной историографии всеобщей истории – историки «русской школы», ведшие свое происхождение «от Грановского», – всегда признавали самобытность России и даже подчеркивали ее значение. Разумеется, у них сохранялось позитивистское представление о возможности сознательного и целенаправленного воздействия на общество, опираясь на известные закономерности его развития. Но они также совершенно недвусмысленно выражали свое убеждение в необходимости учитывать национальные традиции и специфику внутреннего развития, культурно-историческое наследие¹⁸⁷ – короче, все те характеристики, которые мы теперь назвали бы цивилизационными основаниями исторического процесса. Будучи профессионалами высочайшего класса с оригинальными философскими и историческими взглядами, российские «всеобщники», сами вскоре ставшие признанными классиками, отчетливо понимали, что простое наличие апробированных моделей перехода от старого режима к современности могло бы лишь облегчить и ускорить этот процесс, но сам механизм этого движения по пути, проложенному другими, может быть запущен только в аналогичной исторической ситуации, созданной социальными, экономическими и политическими условиями самого общества, его действительными потребностями.

---

¹⁸⁴ Чичерин Б.Н. Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 1 (36). С. 1.

¹⁸⁵ Кудрявцев П. Известие о литературных трудах Грановского. С. XVI.

¹⁸⁶ См., в частности: Гутнова Е.В. Историография истории Средних веков. М., 1985. С. 271.

¹⁸⁷ См., например: Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Ч. II. Историология. Теория исторического процесса. СПб., 1915. С. 266.

Стоит заметить, например, что, признавая возможность заимствовать достижения западной цивилизации, П.Г. Виноградов исходил из обязательного учета особенностей «национального организма» России. К тому же примечательно, что в периоды реакции он выдвигал тезис о необходимости следовать по пути, проложенному западными странами, а в моменты революционных кризисов подчеркивал значение национальной исторической традиции. В своей публичной лекции 1893 года в пользу комитета грамотности, посвященной Учителю всех российских «всеобщников» – «незабвенному Т.Н. Грановскому», П.Г. Виноградов, говоря о влиянии на него Гегеля, отмечал, что Грановский

видел прошедшее слишком ясно, чтобы не заметить, что оно гораздо богаче содержанием, чем допускала диалектическая схема Гегеля... Ему свойственно было – не раздавать народам и поколениям приличные им в общем строе идеи, а прислушиваться к голосу каждого, изучением и сочувствием доходить до исконных стремлений и заветных мыслей. Потребность и надежда объединения истории осталась, но достигнуть его становилось много труднее для историка, внимательного ко всякому праву, чем для деспотического философа... Гуманное чувство Грановского не допускало радикального разделения человечества на привилегированные и низшие расы... Так выяснялась для Грановского руководящая идея его занятий – идея всеобщей истории... Истинная сила Грановского заключалась в историческом синтезе, в способности сводить разрозненные и разнохарактерные факты в одно целое, указывать взаимодействие, зависимость... Грановский был именно создан для всеобщей истории. В его руках эта наука была не трудолюбивою компиляцией чужих мыслей, как у Вебера и Беккера, не беспощадным судоразбирательством, как у Шлоссера, не искусственным выделением международных явлений, как у гениального Ранке, не обширным введением к современности, как она будет у Лависса и Рамбо. Любопытно, что именно русский историк проявил необыкновенное дарование в этой области – любопытно и естественно. Не будет парадоксом сказать, что *именно всеобщая история должна быть русскою наукой* (выделено мной. – Л.Р.)¹⁸⁸.

При этом главное значение всеобщей истории Виноградов видел в воспитании человека через «продумывание» и «прочувствование» последовательности развития человечества¹⁸⁹. Н.И. Кареев в своей известной речи на торжественном акте Императорского Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1896 года, говоря об историческом мирозерцании Т.Н. Грановского, подчеркнул (и возвращался к этой мысли не раз):

Он был первый на кафедре всеобщей истории, который отрешился от взгляда на этот предмет, как на механическое соединение частных историй отдельных стран и народов, для того, чтобы возвыситься до всемирно-исторической точки зрения, до представления истории человечества, в недрах коего совершается единый по своему существу и по своей цели процесс духовного и общественного развития. Грановский же, наконец, начинает у нас ряд ученых, которые стали самостоятельно заниматься историей европейского Запада, в чем, можно сказать, выразилась впервые зрелость нашей научной мысли и наше право на умственную самостоятельность в сфере всеобщей истории... В историческом мирозерцании Грановского мы имеем... дело

---

¹⁸⁸ Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский (Публичная лекция...). С. 52–58.

¹⁸⁹ Там же. С. 56.

с тогдашним русским синтезом разных направлений исторической науки Запада¹⁹⁰.

Грановский видел во всеобщей истории

взаимодействие, сближение отдельных наций, культурное объединение человечества... Разносторонность исторического интереса Грановского, понятная при широте его общего взгляда на жизнь и науку, стояла в полном соответствии с той универсальной точкой зрения, которую он вводил в историю¹⁹¹.

Широкое понимание исторической науки, которая имеет своим предметом жизнь человечества во всем ее разнообразии и многосторонности, составляло главную силу Грановского как историка-мыслителя¹⁹².

Чтобы до конца представить всю широту понимания предмета исторической науки в традиции всеобщей истории, заложенной Грановским, необходимо не упустить из виду, что комплекс идеалов и ценностей, на базе которого выстраивалась картина всемирно-исторического развития, был насквозь гуманистичен. Российские «всеобщники» настойчиво подчеркивали не только разнообразие и многосторонность *жизни человечества*, разных поколений, изведавших «и радость жизни, и бремя труда, и муку смерти, и надежду бессмертия»¹⁹³, но и роль личности, индивидуального начала в истории; личности как творца и как субъекта исторического познания. Что же мог в этой парадигме взять историк «за центр, около которого должны группироваться все элементы культуры? Это нечто есть человеческая личность, ибо все в истории существует через человека, в ней и для нее»¹⁹⁴.

Весьма репрезентативным в отношении особенностей сложившейся в российской историографии XIX века интеллектуальной традиции представляется развернутое и очень точное рассуждение Н.И. Кареева о задачах, особенностях и вариантах композиции всеобщей истории в его предисловии к первому изданию (1893) «Введения в историю XIX века». Автор подчеркивает, что в данной книге ему хотелось

представить историю Западной Европы в новое время, как нечто единое, цельное и общее, не разделенное на истории отдельных народов и обособленных одна от другой эпох, ***как то именно общее, что из истории многих народов делает одну историю*** (выделено мной. – Л.Р.) и связывает частные эпохи в целый большой отдел всемирной истории... История подобна большой картине с множеством фигур в очень сложной комбинации. Об этой картине вы сможете дать понятие, сняв с нее, по возможности, точную, хотя и уменьшенную копию, с теми же красками, как и в оригинале; можете дать понятие также и в гравюре без красок, но с отделкой деталей, и в рисунке с менее тщательной обработкой подробностей, и в беглом эскизе; можете, наконец, дать о картине понятие, рассказав о ее содержании без пояснительного даже чертежа, который воспроизводил бы действительное размещение фигур; настоящая книжка и есть такой рассказ, передающий только общий смысл такой картины, а сама она совсем и не срисовывается. Кто хочет видеть именно ее самое, тот в этом очерке ничего не найдет, но зато,

---

¹⁹⁰ Кареев Н. Историческое мирозерцание Грановского. Речь на торжественном акте Императорского С.-Петербургского Университета 8 февраля 1896 г. СПб., 1896. С. 2, 4.

¹⁹¹ Там же. С. 67–69.

¹⁹² Там же. С. 24.

¹⁹³ Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский (Публичная лекция...). С. 56.

¹⁹⁴ Кареев Н. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. I. С. 285.

быть может, настоящая книжка окажет помощь желающему ориентироваться в сложной композиции и пестрой в окраске картине, уже ему известной по тем или иным копиям¹⁹⁵.

Не случайно, что одна из лучших практических разработок «русской» идеи всеобщей истории – серия учебников для школ, написанная Н.И. Кареевым по всем частям и периодам мировой истории. Главная черта этих текстов – интегральная презентация исторического процесса.

* * *

В этой связи нельзя не заметить, как удивительно перекликается (а в ряде моментов просто совпадает) аргументация современных пропагандистов глобальной истории с тем, что выдающийся российский ученый Н.И. Кареев (ученик В.И. Герье), констатировавший «постепенное объединение судеб отдельных стран и народов», более века назад описывал как «всемирно-историческую точку зрения»:

Всемирная история не есть только сумма частных историй, т. е. историй отдельных стран и народов. Смотреть на историю человечества таким образом мы имели бы право только в том случае, если бы жизнь каждой страны, каждого народа протекала совершенно обособленно, вне какой бы то ни было связи с историей других стран, других народов. Всякому известно, что в настоящее время нет ни одного почти уголка заселенной земли, который так или иначе, в той или другой мере не испытывал бы на себе влияния со стороны того, что происходит в других местах, и что сближение между наиболее отдаленными одна от другой странами, один от другого народами делается все более и более тесным... С этой точки зрения всемирная история и является перед нами как процесс постепенного установления политических, экономических и культурных взаимоотношений между населением отдельных стран, т. е. процесс постепенного объединения человечества, расширения и углубления связей, мало-помалу образующихся между разными странами и народами. В этом процессе каждая отдельная часть человечества, им захватываемая, все более и более начинает жить двойною жизнью, т. е. жизнью своею собственною, местною и особою, и жизнью общею, универсальною, состоящею, с одной стороны, в том или ином участии в делах других народов, а с другой – в испытывании разнородных влияний, идущих от этих других народов. То, что касается только самого народа, есть, так сказать, его частное достояние, и всемирная история человечества, конечно, есть прежде всего сумма таких частных историй, но она получает право на наименование всемирной истории лишь постольку, поскольку судьбы отдельных народов переплетаются между собою, один народ оказывает на другой то или иное влияние, между народами устанавливается известная историческая преемственность, и таким образом *над суммою частных историй* (курсив мой. – Л.Р.) возникает общая, универсальная, всемирная¹⁹⁶.

---

¹⁹⁵ Кареев Н. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800). Введение в историю XIX века. (Основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV–XVIII веков. 2-е изд. СПб., 1902. С. IX–XI.

¹⁹⁶ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903. С. 5–7.

В этом пассаже, пожалуй, только выделенная курсивом фраза с предлогом «над», отводящая всемирную историю на более высокий «этаж» исторического описания, несколько диссонирует с современным представлением о специфике перспективы мировой истории.

В заключение следует упомянуть также представленный Юргеном Остерхаммелом анализ «космополитической перспективы» сравнительной истории цивилизаций XVIII века, утраченной в западноевропейской профессиональной историографии XIX столетия – века европоцентристских национально-государственных и имперских («колониалистских», или «ориенталистских») историй¹⁹⁷. Тем более показательно, что в российской историографии именно во второй половине XIX века всеобщая (универсальная) история переживала свой расцвет.

---

¹⁹⁷ См.: *Osterhammel J. Geschichtswissenschaft Jenseits des Nationalstaats: Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen, 2001.* См. также: *Muhlack U. Universal History and National History. Eighteenth- and Nineteenth-Century German Historians and the Scholarly Community // British and German Historiography, 1750–1950: Traditions, Perceptions, and Transfers / B. Stuchtey, P. Wende (eds.). Oxford, 2000. P. 25–48.*

Н.Г. Фёдорова

«Воспитание историей» по гимназическим учебникам в первой половине XIX века

В методической литературе школьный учебник определяется как «массовая учебная книга, излагающая предметное содержание образования и определяющая виды деятельности, предназначенные для обязательного усвоения учащимися с учетом их возрастных и иных особенностей»¹⁹⁸; упоминается также, что он выполняет «традиционные» функции: информационную, систематизирующую, обучающую и воспитательную. И в то же время этот род литературы может быть рассмотрен гораздо шире, с учетом временной и культурной динамики. Ведь учебник, с одной стороны, представляет собой своеобразный исторический и историографический *источник*, отражающий уровень развития науки своего времени и общее направление государственной образовательной политики. Он несет информацию о позициях автора(-ов), об общественных ценностях социума той или иной эпохи и представляет собой важный социокультурный феномен, выступая как «сложносоставное, многослойное культурно-историческое явление»¹⁹⁹. С другой стороны, учебник сам *конструирует* историческое сознание школьников – нового поколения граждан страны. С этой точки зрения, на наш взгляд, недостаточно утверждать, что «учебник истории – это функция времени»²⁰⁰. Говоря языком школьной математики, он – не просто «функция» (т. е. зависимая, производная, итог), но и «аргумент» (причина, определяющая будущий результат) развития общества.

Учитывая, что в процессе формирования исторического сознания задействована вся система исторического образования, включающая целый комплекс взаимосвязанных компонентов, в складывании исторической памяти именно учебники играют первостепенную роль, выступая как «носители памяти» и «орудия овладения исторической ситуацией», а изложенная в них история составляет «каркас исторической памяти»²⁰¹. Учебник по истории является своеобразным *ретранслятором* социальной памяти, определяет основу для формирования мировоззренческих позиций учащихся, выработки политических ориентиров нового поколения.

Несмотря на то, что эволюция школьного учебника, посвященного прошлому, составляет традиционную сферу интереса в истории педагогики, а методические воззрения и установки известных ученых и специалистов (особенно конца XIX века) получили в современной отечественной литературе достаточно широкое освещение, в целом история учебника по Средним векам как социокультурного феномена в жизни российского общества, равно как и методика изучения и интерпретации соответствующего обширного исследовательского комплекса, до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Ибо предметные курсы по Средневековью в целом менее подвержены конъюнктурным влияниям, в отличие от пособий по Новому времени или истории Отечества, и – отчасти поэтому – более «чувствительны» к достижениям исторической науки, в процессе развития которой именно Средние века неизменно оказывались

---

¹⁹⁸ Студеникин М.Г. Методика преподавания истории в школе. М., 2000. С. 21.

¹⁹⁹ Бухараев В. Что такое наш учебник истории. Идеология и назидание в языке и об разе учебных текстов // Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / К. Аймермахер, Г. Бордюгов (ред.). М., 2002. С. 15.

²⁰⁰ Донской Г.М. «Целый мир уложить на странице...»: Учебник истории – от замысла до издания и дальше. Книга для учителя. М., 1992. С. 12.

²⁰¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 414.

«излюбленной лабораторией для выработки и проверки новых методов исследования, главным и привилегированным полем их приложения»²⁰².

На всем протяжении XIX века учебные книги, которые включались в школьное употребление, должны были проходить *государственную проверку*. Отметим, справедливости ради, что и в советское время, и в современности этот принцип, в сущности, сохранился. Но стоит также сказать, что *контролирующая функция* ответственного за постановку образовательного процесса органа – а в дореволюционное время это было министерство народного просвещения (МНП) – сама претерпевала значительные изменения в соответствии с вектором государственной внутренней политики.

В истории образования первая половина XIX века стала эпохой постепенного отхода от изначальных либеральных принципов и начинаний в области просвещения, внедряемых и декларируемых в начале столетия (Устав университетов Российской империи, Устав учебных заведений, подведомственных университетам 1804 года и др.). В сфере образования произошло возрождение идеи сословности (1827), был изменен принцип преемственности учебных заведений (по уставу 1828 года приходские и уездные училища стали школами законченного типа). В 1833 году министром народного просвещения был назначен С.С. Уваров. Декларируя правительственную программу в деле просвещения, он утверждал, что необходимо «...завладеть умами юношества», которому следует прививать «истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества»²⁰³.

Школы находились под строгим правительственным контролем. П.Ф. Каптерев в начале XX века выделял три периода в истории становления русского педагогического самосознания: педагогики церковной, государственной и общественной. При этом второй этап (XIX век – до правления императора Александра II) охарактеризован им как «пленение школы государством»²⁰⁴:

Забываясь об устройстве школы, государство заботилось не столько о просвещении граждан, сколько о лучшей постановке государственной службы, для чего школы были лишь орудием... Школа сделалась местом применения изменчивых политических взглядов и течений²⁰⁵.

Этому отзыву известного педагога о государственной образовательной политике в Российской империи второй четверти XIX века вторят воспоминания других его современников. Видный методист и организатор образования Д.И. Тихомиров (1844–1915) так описывал состояние в области просвещения: «Воспитание и учение носило формально-дисциплинарный характер в семье и казарменно-полицейский в школе»²⁰⁶.

Главная цель ведомства просвещения в манифесте о министерствах определялась как «воспитание юношества и распространение наук»²⁰⁷. Но уже к середине XIX века МНП в сфере своей деятельности далеко вышло за пределы управления собственно народным образованием. В его ведении оказались главнейшие направления и центры отечественной науки. Как отмечает В.И. Чесноков, «работа по воспитанию юношества переросла в регламентацию практически всей духовной жизни общества, многих участков его культурного развития»²⁰⁸. В 1852 году

---

²⁰² Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 144.

²⁰³ Цит. по: Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История педагогики М., 1982. С. 183.

²⁰⁴ Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Пг., 1915. С. XII.

²⁰⁵ Там же. С. 374–375.

²⁰⁶ Цит. по: Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX в.). М., 1998. С. 246.

²⁰⁷ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902. С. 10.

²⁰⁸ Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х годов XIX века: Исследовательские

особым циркуляром школьной администрации было предписано обратить самое пристальное внимание на идеологическое направление преподавания, на образ мыслей и поведение учащихся. Современник вспоминает:

В школе дисциплина была прямо жестокая... о естественных потребностях детства, физических и особенно психических, заботились мало. Гуманные взгляды на дисциплину педагогов екатерининского времени – Бецкого, Янковича, Новикова – не привились, суровая ветхозаветная дисциплина продолжала царить²⁰⁹.

Постановка образования была строго регламентирована государством: «Учителя по обязанности учили, начальство награждало и наказывало учеников, совершались выпуски окончивших школьный курс – вот и все»²¹⁰.

В середине XIX века наиболее распространенным *приемом обучения* на уроках было краткое комментирование учителем текста учебника. Учи теля не уделяли внимания раскрытию внутренней связи между изучаемыми фактами, не привлекали документальный материал. Средства наглядности не использовались, а в учебнике не было иллюстраций²¹¹. Такой способ обучения получил впоследствии название формального метода. «Обычно учитель описывает ученикам исторические события, излагает необходимые данные и сам же делает все соответствующие выводы, разъясняет возможно лучше урок и задает ученикам разъясненное выучить по учебнику»²¹², – так Я.С. Кулжинский позднее представлял содержание этого подхода. Другой автор отмечал, что «живое устное изложение, будучи в высшей степени... привлекательным для ребенка, в значительной степени способствует усвоению материала, восприятию его умом и сердцем»²¹³. На сердце, на воображение такое преподавание действует сильно, но ум ученика при этом бездействует. В 1863 году М.М. Стасюлевич указывал, что подобное преподавание в самом лучшем случае «дает человеку, быть может, очень здоровое и крепкое туловище, но лишает его ног, на которые пациент мог бы со временем сам встать»²¹⁴.

Зарождение первых, нечетких, отрывочных представлений о «хорошем» школьном учебнике истории относится к 1840-м годам. Причем понятие «хороший», «совершенный» имело изначально специфическое значение: новый, нетрадиционный, не узкомонархический.

Исторический учебник должен показать общество как предмет многосторонний, организм многосложный... нравственная сторона должна быть тесно слита с практической, и интересы духовные – с выгодами материальными²¹⁵, —

утверждал В.Г. Белинский. Но вместе с тем материал учебника должен быть расположен ясно, просто, точно и сжато, чтобы он был вполне доступен детскому восприятию и пониманию. Подобные взгляды были весьма оригинальны и новы для своего времени, являясь, по сути, первыми попытками серьезного критического анализа существующей учебной литературы.

Практическое воплощение и дальнейшее развитие новые идеи получили только в период либеральных преобразований конца 1850–1860-х годов. Именно это время можно условно

черки. Воронеж, 1989. С. 37.

²⁰⁹ Каптерев П.Ф. История русской педагогики. С. 376.

²¹⁰ Каптерев П.Ф. Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели. 2-е изд. СПб., 1914. С. 7.

²¹¹ Буцик Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. С. 11.

²¹² Кулжинский Я.С. Опыт методики систематического курса истории. 2-е изд. СПб., 1914. С. 98.

²¹³ Кругликов-Гречаный Л.П. Методика истории. Киев, 1911. С. 49.

²¹⁴ Стасюлевич М.М. История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: в 3 т. Т. 1. СПб., 1863. С. XX.

²¹⁵ Белинский В.Г. Избранные педагогические сочинения. М., 1982. С. 197.

обозначить как *практический, начальный* этап в длительном процессе зарождения и развития представлений о «хорошем» школьном учебнике по всеобщей истории. Тогда же принимаются и первые попытки творческого подхода к созданию школьного учебника²¹⁶. Но глубинные концептуальные основы изложения истории еще не затрагиваются. В целом же, к учебникам первой половины XIX века комплексное современное понятие о «хорошем» (качественном, эффективном и т. д.) пособии неприменимо, так как при создании учебных книг в то время учитывался лишь один аспект – содержательный. Представления о методической составляющей школьного учебника тогда еще не сформировались. Важность ее значения только начинала осознаваться отдельными представителями педагогических кругов, поэтому пристальное внимание обращалось изначально лишь на стиль изложения материала (речевые особенности текста). Время развития методических новаций наступит позднее.

При преобладании механического усвоения материала учащимися и господстве вербальных методов преподавания, определяющая роль в обучении отводилась именно *учебникам*, которые находились под строгим контролем государства. В первой половине XIX века проблема выбора учебника для преподавания истории в школе официально не обозначалась. Учи теля обязаны были пользоваться только *рекомендованными* учебными руководствами²¹⁷. Характерной чертой этих пособий было стремление авторов привить ученикам моральные и общественные установки, ориентированные на формирование преданности монархии и христианской нравственности²¹⁸. Учебники, использовавшиеся в этот период, носили описательный характер, отличались субъективной эмоциональностью, перенасыщенностью фактическими данными, тенденциозностью. Предметом истории считались «деяния и судьбы людей», а ход событий объяснялся в первую очередь психологическими чертами и склонностями их творцов – выдающихся личностей (полководцев, государей и т. д.). История в целом и школьные учебники в частности были ориентированы на развитие памяти, на запоминание имен и событий – главных и второстепенных. Именно такие учебники рекомендовались к использованию в средней школе.

Далее мы рассмотрим несколько базовых учебных пособий по всеобщей истории, выделяя те характерные особенности и способы подачи и презентации материала, которые отличали их от представлений и требований педагогики рубежа XIX–XX веков. Важной частью такого исследования должно быть и обращение к «рецептивной» стороне учебного процесса, к тому, как воспринимались тогда и позднее эти руководства и учениками, и педагогами.

Анализ одной из главных учебных книг по истории, учебника *И.К. Кайданова*²¹⁹, показывает, насколько полно развитие историко-педагогических идей во второй четверти XIX века предопределило его содержание. Главное внимание в учебном пособии уделено истории образования или расчленения государственных территорий. Учебник переполнен *фактическим материалом*, это касается в первую очередь имен собственных и дат. Своеобразный «летописный» характер изложения достигается за счет детализированного повествования. Автор учебника стремится точно зафиксировать последовательность всех исторических явлений, порой без учета значения события или личности в историческом процессе. Ярким примером служит описание правителей восточного арабийского халифата, где в небольшом абзаце автор считает нужным упомянуть всех: «...брат и наследник кровожадного Абул-Абасса *Аль-Мансор* счаст-

²¹⁶ Например: *Стасюлевич М.М.* История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: в 3 т. Т. 1–3. СПб., 1863–1865.

²¹⁷ *Смарагдов С.Н.* Краткое начертание всеобщей истории. СПб., 1845; *Кайданов И.К.* Учебная книга всеобщей истории (для юношества). СПб., 1843.

²¹⁸ *Буцик Л.П.* Очерк развития школьного исторического образования в СССР. С. 10. См. также учебные книги по русской истории: *Кайданов И.К.* Краткая русская история. Царское село, 1834; *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории для учебных заведений. 10-е изд. СПб., 1857.

²¹⁹ *Кайданов И.К.* Учебная книга всеобщей истории (для юношества). СПб., 1843.

ливо вел войны с римлянами... Сын его *Аль-Моди*... принудил римлян платить ему дань. Беспокойно и мятежно было кратковременное царствование сына его *Мусаль Тадия*, по умерщвлении коего вошел на престол *Гарун-Аль-Рашид*...»²²⁰. Каждое новое имя выделяется курсивом, а развернутые эпитеты и описательные обороты осложняют прочтение текста. В тех местах, где речь идет о войнах, страницы учебника пестрят большим количеством имен вождей противоборствующих сторон; многочисленными названиями сражений с указанием места, где они происходили и т. д. В конце автор приводит обширный «Азбучный список упоминаемых в этой книге главнейших происшествий, имен достопамятных людей, названий народов, государств, областей и проч., с указанием страниц, где об этом упоминается»²²¹.

Такое отношение И.К. Кайданова к фактам было связано с господствующими тогда представлениями о том, что история как рассказ об отдельных событиях и лицах должна быть ориентирована на развитие памяти, на *запоминание* все новых имен и событий – как необходимых, так и несущественных, главных и второстепенных. Один из современников, вспоминая свои гимназические годы, писал: «По истории требуется большинством учителей строжайшая хронология, и они принимают за личное оскорбление ошибку ученика на 10 лет при определении года рождения Пипина Короткого»²²². Н.И. Кареев тоже упоминал, что после окончания гимназии знал около двух тысяч исторических дат²²³.

Кайданов тенденциозно оценивает деятельность исторических лиц, политических событий. Красной нитью через весь учебник проходит мысль о преимуществах и достоинствах монархического образа правления, которое, по мысли составителя пособия, только и может обеспечить спокойствие и благосостояние народа. Эта идея отражается не только в превращении истории в политическую историю (а фактически в хронологию) последовательно сменявшихся друг друга правителей, но также и в стилистически подчеркнутом, часто встречающемся в тексте возвеличивании «благотворной сени монархической власти». Последняя всегда способствовала «улучшению и облагораживанию гражданского и умственного быта народов»²²⁴: «... Одно слово Карла приводило все в порядок и тишину. И тут, как и во всем, очевидны благотворные действия власти единодержавной»²²⁵. Наследники Карла Великого оцениваются отрицательно, так как «в потомках... не видно было действий монархической власти». «Важнейшим и благотворнейшим следствием крестовых походов, – по оценке И.К. Кайданова – было приращение власти монархической»²²⁶. В итоге история представлялась как постоянное чередование периодов правления великих государей, при которых устанавливается сильное единодержавие, а, соответственно, порядок в стране и «народная любовь к престолу» возрастают, – и периодов, когда «монархическая власть ослабляется и ограничивается... [и] везде обнаруживаются ужасы безначалия, убийства и грабежи»²²⁷.

---

²²⁰ Там же. С. 86.

²²¹ Там же. С. 217–226.

²²² Цит. по: *Глинский Б.Б.* Недуги среднего образования // Исторический вестник. 1898. Сентябрь. С. 1017.

²²³ *Кареев Н.И.* Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб., 1900. С. 38.

²²⁴ *Кайданов И.К.* Учебная книга всеобщей истории... С. 101.

²²⁵ Там же. С. 51.

²²⁶ Там же. С. 127.

²²⁷ Там же. С. 159.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.